

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра

«Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 «Юриспруденция»

(код и наименование направления подготовки)

«Гражданское и международное частное право»

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Принцип доступности правосудия в гражданском судопроизводстве и
судопроизводстве в арбитражных судах в российской и зарубежной правовой доктрине»

Обучающийся

Л.А. Инганнаморте

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

к.ю.н., доцент, И.В. Маштаков

(учёная степень (при наличии), учёное звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти, 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Принцип доступности правосудия в гражданском судопроизводстве и судопроизводстве в арбитражных судах в Российской Федерации.....	10
1.1 Понятие, правовая природа и место принципа доступности правосудия в системе принципов гражданского процессуального и арбитражного процессуального права	10
1.2 Принцип доступности правосудия в законодательстве РФ ...	17
1.3 Факторы доступности правосудия как существенные обстоятельства, оказывающие влияние на практическую реализацию принципа доступности правосудия	22
Глава 2 Принцип доступности правосудия в зарубежных государствах и деятельности международных организаций	35
2.1 Сравнительный анализ теоретических положений зарубежной и российской научных доктрин о концепции доступности правосудия.....	35
2.2 Доступность правосудия в зарубежной и международной правотворческой, судебной и административной практике ..	49
Глава 3 Перспективы развития законодательства Российской Федерации в контексте увеличения доступности правосудия в гражданском судопроизводстве и судопроизводстве в арбитражных судах	63
3.1 Проблемы доступности правосудия	63
3.2 Системное развитие положений законодательства о принципе доступности правосудия	75
Заключение	83
Список используемой литературы и используемых источников.....	85
Приложение А. Классификация факторов доступности правосудия	102
Приложение Б. Средняя стоимость юридических услуг в Самарской области в соотношении со средним доходом граждан	103

Введение

Актуальность темы «Принцип доступности правосудия в гражданском судопроизводстве и судопроизводстве в арбитражных судах в российской и зарубежной правовой доктрине» заключается в фундаментальном значении принципа доступности правосудия для реализации целей и задач самого правосудия: не имея надлежащим образом обеспеченной возможности использования механизмов судебной защиты, мы не можем говорить об эффективности работы судебной системы в целом. Более того, отсутствие возможности защитить или восстановить нарушенное право, отстоять свободы или законные интересы говорит нам о нивелировании ценности права как такового, поскольку в таком случае теряется само его предназначение.

Отсутствие нормативного закрепления характеристик принципа доступности правосудия, его содержания и критериев оценки его соблюдения, вынуждает нас обращаться к правовой доктрине при любом (научном, образовательном, практическом) использовании данного принципа. Тем не менее, и в доктрине имеются пробелы и противоречия, вызванные отсутствием единых и общепринятых взглядов на принцип доступности правосудия, что и обуславливает необходимость исследования в данной сфере.

Не менее важным является и обращение к зарубежной доктрине для проведения сравнительного анализа: заимствование успешного опыта других государств в той или иной сфере является естественным механизмом распространения качественных знаний, убеждений и ценностей. Более того, исследование зарубежной доктрины позволит выполнить ещё одну важную задачу – оценку современного состояния принципа доступности правосудия в Российской Федерации в сравнении с другими государствами и определением уровня и качества развития российской правовой доктрины в сфере фундаментальных принципов правосудия.

Степень разработанности темы исследования. Несмотря на существенный интерес к принципу доступности правосудия и определённое количество исследований, начало которым было положено профессором В.М. Семёновым во второй половине XX века, в правовой науке имеется ряд пробелов в сфере описания идеи доступности правосудия и её отдельных составляющих. Такими пробелами можно назвать:

- отсутствие единообразной и общепринятой позиции о теоретическом наполнении принципа доступности правосудия (например, о том, включать ли «субъективные» факторы доступности правосудия в наполнение принципа как те факты и обстоятельства, что имеют значение для его реализации; от этого будет зависеть и понимание принципа в целом);
- о месте принципа доступности правосудия в системе принципов гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах РФ, его взаимосвязи с иными процессуальными принципами;
- недостаточная теоретическая проработка проблем доступности правосудия, путей их устранения;
- отсутствие определения термина «фактор доступности правосудия»;
- отсутствие классификаций фактов и обстоятельств, влияющих на доступность правосудия для систематизации знаний о возможностях и пределах практической реализации принципа;
- необходимость теоретического обоснования и разработки нормативных норм, содержащих в себе детальное описание принципа доступности правосудия и надлежащих пределов его практической реализации.

Объект исследования – совокупность правовых отношений, возникающих в ходе реализации принципа доступности правосудия или связанных с его реализацией в гражданском судопроизводстве и судопроизводстве в арбитражных судах в Российской Федерации и

зарубежных странах; российская и зарубежная правовая доктрина в части описания фундаментальных принципов правосудия.

Предмет исследования – нормы действующего законодательства Российской Федерации и иных государств, прямо регулирующие или косвенно затрагивающие вопросы практической реализации принципа доступности правосудия; взгляды российских и зарубежных авторов на принцип доступности правосудия, его характеристики и место в правовой системе; российская, зарубежная и международная судебная и иная правовая практика, в рамках которой затрагиваются вопросы практической реализации принципа доступности правосудия и иные вопросы, связанные с темой исследования.

Цель исследования: системное и всеобъемлющее изучение и анализ принципа доступности правосудия как в плане теоретического его описания в рамках правовой науки, так и в вопросах практической реализации; разработка предложений по дополнению и изменению положений действующего законодательства для увеличения доступности правосудия; рассмотрение перспектив развития правовой доктрины и нормативного регулирования принципа доступности правосудия в Российской Федерации.

Гипотеза исследования: предполагается, что из-за отсутствия нормативного закрепления принципа доступности правосудия в гражданском процессе и процессе в арбитражных судах в Российской Федерации, а также закрепления составляющих данного принципа: определения, характеристик доступности, пределов доступности и прочего, возникает ряд проблем, препятствующих как пониманию, так и реализации принципа доступности правосудия в Российской Федерации.

Задачи исследования:

- изучение современного состояния принципа доступности правосудия в российской и зарубежной правовой доктрине, сравнительный анализ правовых доктрин, выявление положений,

- возможных к заимствованию в российскую правовую доктрину для устранения имеющихся пробелов;
- рассмотрение нормативных источников принципа доступности правосудия в Российской Федерации;
 - анализ фактов и обстоятельств, оказывающих влияние на реализацию принципа доступности правосудия, их систематизация и классификация, обоснование их природы как факторов доступности правосудия;
 - разработка определения термина «фактор доступности правосудия»;
 - рассмотрение перспектив развития законодательства Российской Федерации в контексте увеличения доступности правосудия, разработка предложений по изменению, дополнению положений действующего законодательства для обеспечения большей доступности правосудия в Российской Федерации;

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы (обобщение, дедукция и индукция, анализ, сравнение, структурный и лингвистический методы и другие методы), так и специальные методы юридической науки (методы правового моделирования, сравнительно-правового анализа, историко-правовой и иные).

Нормативно-правовая основа исследования включает в себя все положения действующего законодательства России и иных государств (и отдельные акты судебной практики), затрагивающие или прямо регулирующие вопросы, связанные с принципом доступности правосудия.

Теоретическая основа исследования включает в себя работы российских и зарубежных авторов, посвящённые различным исследованиям теоретических и практических аспектов принципа доступности правосудия.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в XXI веке принцип доступности правосудия будет рассмотрен наиболее полно и системно с учётом уровня развития общества, государства и правовой мысли

в попытке дать всеобъемлющее теоретическое описание принципа доступности правосудия и предложить изменения и дополнения в действующее законодательство с целью наиболее грамотного и непротиворечивого правового регулирования в данной сфере.

Теоретическая значимость исследования выражена в разработке в рамках написания настоящей работы ряда определений терминов, связанных с доступностью правосудия, классификацией и систематизацией факторов доступности правосудия, что позволяет более комплексно рассматривать проблему доступности правосудия, сравнительном анализе положений действующего законодательства, научной доктрины и правовой практики в ряде государств с последующими выводами и предложениями для реализации в контексте более полного понимания принципа доступности правосудия.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных предложений по изменению действующего законодательства Российской Федерации для увеличения степени доступности правосудия и обеспечения более высокой эффективности реализации данного принципа.

Личное участие автора состоит в определении целей и задач настоящего исследования, выборе методов и научно-практической базы, разработке плана исследования, выявлении и анализу существующих проблем доступности правосудия, а также непосредственном проведении исследования и получении выводов, представленных в положениях, выносимых на защиту.

Апробация и внедрение результатов работы велись на протяжении всего исследования. Его результаты докладывались автором и обсуждались с коллегами на следующих конференциях:

- «Студенческие Дни науки в ТГУ»: научно-практическая конференция (Тольятти, 13 апреля – 29 мая 2020 года);

- RUDN Conference on Legal Theory, Methodology and Regulatory Practice (RUDN LTMRP Conference 2021) (Москва, 26 марта 2021 года);
- Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция «Молодёжь. Наука. Общество» (Тольятти, 20-24 декабря 2021 года);
- XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция (Самара, 11-22 апреля 2022 года).

На защиту выносятся следующие положения:

- принцип доступности правосудия в гражданском и арбитражном процессах – это самостоятельный и независимый правовой принцип процессуального права (так называемый, «принцип правосудия»), в соответствии с которым каждое лицо, заинтересованное в судебной защите своих прав, свобод и законных интересов, должно обладать всеми механизмами для реализации своего права на судебную защиту при отсутствии необоснованных и необъективных запретов, требований и предписаний нормативного характера, а также при отсутствии препятствий любой природы для реализации означенного права;
- под термином «фактор доступности правосудия» необходимо понимать существенное обстоятельство, оказывающее влияние на практическую реализацию принципа доступности правосудия;
- классификация факторов доступности правосудия выглядит следующим образом. В первую очередь, факторы доступности правосудия делятся на две крупные категории: объективные и субъективные факторы. Субъективные факторы, проистекающие из внутренних убеждений, ценностей, взглядов и иных ментальных категорий, включают в себя факторы лиц, отправляющих правосудие и заинтересованных в нём. Объективные факторы по сфере своего происхождения делятся на правовые, политические,

физические, информационные и экономические факторы, каждые из которых включают в себя ряд более мелких групп, дифференцированных по форме и происхождению того или иного фактора. Например, правовые факторы делятся на институциональные, организационные, материальные и процессуальные факторы доступности правосудия. Последние могут быть факторами процессуальной недостаточности либо же факторами процессуальной избыточности. Подробно данная классификация представлена в Приложении А к настоящей работе;

- в пункты 1 статей 3 и 4 Гражданского и Арбитражного процессуальных кодексов предлагается внести следующие абзацы:
«Государство гарантирует и обязуется обеспечивать свободный доступ к механизмам судебной защиты для заинтересованных лиц. Под свободным доступом понимается отсутствие необоснованных препятствий нормативного, информационного и институционального характера.

Ограничения доступа к правосудию, выраженное в действиях (бездействии) и решениях суда и иных органов государственной власти, преднамеренных или нет, нарушающих основополагающие правовые ценности и препятствующих установлению справедливости, не допускаются»;

- для разрешения проблемы влияния пределов модификации иска на доступность правосудия необходимо дополнить пункты 1 статей 39 и 49 Гражданского и Арбитражного процессуальных кодексов абзацем следующего содержания: «Допускается принятие судом одновременного изменения основания и предмета иска при сохранении истцом первоначально заявленного правового интереса, если такое изменение необходимо для реализации его права на судебную защиту».

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения. Содержит одну схему, список использованной литературы и использованных источников (118 источников), два приложения. Основной текст работы изложен на 101 листе.

Глава 1 Принцип доступности правосудия в гражданском судопроизводстве и судопроизводстве в арбитражных судах в Российской Федерации

1.1 Понятие, правовая природа и место принципа доступности правосудия в системе принципов гражданского процессуального и арбитражного процессуального права

В рамках настоящего параграфа рассмотрим понятие, правовую природу и место принципа доступности правосудия в системе принципов гражданского процессуального и арбитражного процессуального права в рамках отечественной правовой доктрины.

Прежде всего отметим, что концепция доступного правосудия уже более полувека воспринимается большинством авторов как самостоятельный и независимый принцип правосудия. Истоки подобной позиции, как мы считаем, лежат в работах известного советского учёного, профессора В.М. Семёнова, опубликованных в 60-х годах прошлого столетия. Он не только обосновал понимание доступности правосудия как одного из принципов, но и определил его как гарантированную со стороны государства возможность каждого при наличии соответствующего интереса обратиться в суд за защитой нарушенных прав [70].

Сегодня опубликовано значимое количество исследований, поддерживающих данную позицию. Одним из таких исследований является работа С.В. Баранова, где он не только соглашается и подтверждает взгляды профессора В.М. Семёнова, но и выделяет в принципе доступности правосудия отдельные сущностно значимые элементы, такие как:

- субъективный элемент, выраженный в наличии возможности судебной защиты прав и законных интересов того или иного лица при наличии у него таких потребности и стремления;

- компетенционный элемент, выраженный в «предметном, территориальном и темпоральном аспектах»;
- институциональный элемент, на практике выражающийся в требовании наличия ординарного суда и одновременным запретом на существование чрезвычайных судов;
- процессуальный элемент, суть которого заключается в соблюдении принципа состязательности судебного процесса;
- организационный элемент, выраженный в необходимом количестве судебных органов и судей, а также в квалификации и специализации судейского состава и уровню их понимания права и правовой науки;
- системный элемент, раскрывающийся в контроле и надзоре за законностью и обоснованностью судебных актов [6, с. 44-79].

А.А. Рыжкова, также соглашаясь с данной позицией, пишет в одной из своих работ, посвящённой смежной рассматриваемой теме: «... право на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство является общеправовым принципом и имеет универсальный характер как в сфере гражданского, так и уголовного судопроизводства...» [64, с. 235].

Ранее, в одной из своих работ, мы проводили сравнение функций принципа доступности правосудия с функциями правового принципа в целом и нашли определённые корреляции. Повторим их: «доступность правосудия выполняет систематизирующую функцию, поскольку выступает значимым ориентиром в рамках правотворческого процесса, а также процесса систематизации, толкования и реализации норм права; правотворческая функция доступности правосудия заключается в определении ею вектора совершенствования правовых норм, в частности – вектора совершенствования процессуального законодательства; присутствуют признаки регулятивной деятельности, поскольку концепция доступности правосудия является определяющим фактором для процессуального правоприменения; интегративная функция доступности правосудия

выражается в создании устойчивой связи между различными структурами системы права, а также между правовой системой и реалиями общественного и политического процесса, происходящих в государстве» [25, с. 10].

Если же говорить не о функциональных, а о сущностных признаках правового принципа, то здесь нам кажется обоснованным и полезным обратиться к одной из работ А.В. Скоробогатова и А.В. Краснова, которые сформулировали ряд признаков правового принципа, чтобы провести сравнение с рассматриваемой нами концепцией. Указанные авторы в числе признаков любого правового принципа выделяли следующие характеристики:

- признак социальной обусловленности, которому, очевидно, идея доступности правосудия в полной мере соответствует, поскольку её цель – защита общепризнанных фундаментальных ценностей личности, общества и государства;
- признак нормативности, в силу которого принцип права выражен в закреплении общего характера в императивной правовой норме – доступность правосудия закреплена в ст. 46 Конституции РФ;
- признак «неперсонифицированности», понимаемый нами как неограниченное распространение действия того или иного принципа по кругу лиц, что также целиком и полностью соответствует идее доступности правосудия;
- признак ориентированности на «должное» – «принцип фиксирует не то, что есть, а то, как должно быть»; правосудие, безусловно, должно быть доступно каждому, кто в нём заинтересован и в нём нуждается;
- признак соответствия правовой реальности – принцип права обязан коррелировать с общими закономерностями и векторами развития и функционирования правовой действительности, выступать отражением требований ряда социальных групп, что, мы полагаем, не требует комментария в контексте изучения идеи доступности;

- признак первичного характера в сравнении с нормой права – на самом деле, идея доступности правосудия выступает существенной частью базиса всего процессуального законодательства, определяет и направляет его развитие в необходимое русло;
- признак стабильного характера – неизменность цивилизационных ценностей, определивших собой сам факт существования некоего правового принципа; доступное правосудие – гарант правосудия;
- признак системности – обеспечение единства системы права, единство направления его развития; идея доступности правосудия, конечно же, носит системообразующую функцию;
- признак универсально-абстрактного сущностного наполнения – принцип права формирует связь между общественными ценностями и нормами права, воздействует не только на практику, но и на правосознание и поведение граждан [69, с. 311-314].

В силу вышеизложенного, полагаем, что очевиден вывод об обоснованности и необходимости предположения о понимании доступности правосудия как самостоятельного правового принципа процессуального права. Тем не менее, в целях объективности научного исследования полагаем необходимым привести в настоящей работе и иные мнения учёных относительно природы и места идеи доступности правосудия.

Некоторые теоретики понимают идею доступности правосудия как некий «надпринцип», «пронизывающий своим действием право в целом». Такая позиция обнаруживается, например, в работах С.А. Воронцова, полагающего, что доступность правосудия не может выступать самостоятельным и независимым правовым принципом, так как содержание идеи доступного правосудия включается в другие принципы процессуального права, например, отголоски идеи доступного правосудия обнаруживаются в принципе всеобщего равенства перед законом и судом [10, с. 39].

Но мы не можем согласиться с таким мнением, так как при глубоком и подробном анализе правовых принципов такие связи могут быть обнаружены и между другими принципами права. К примеру, без принципа независимости судей мы не можем утверждать о реализации принципа законности. Связь между этими принципами «работает» и в обратном направлении. Принцип состязательности и равенства сторон в процессе напрямую проистекает из принципа всеобщего равенства перед законом и судом. Тем не менее, научных позиций о строгой необходимости устранения озвученных принципов в силу их обеспечения со стороны других базовых идей в правовой науке нет.

И.А. Приходько, другой значимый автор в рассматриваемой нами сфере, в одном из своих исследований описал доступность правосудия как определённый критерий «качественной оценки адекватности и объективности процессуального законодательства и аспектам его правоприменения, а также общественным потребностям в правовой защите и субъективным ожиданиям в сфере того, что касается реализации каждым права на судебную защиту» [52, с. 24]. Такая позиция кажется нам крайне интересной, поскольку крайне редко в содержание доступности правосудия включаются факторы субъективных ожиданий, что мы, конечно же, как это будет следовать из дальнейших частей нашего исследования, в полной мере разделяем.

Из вышеприведённого напрямую следует вывод об отсутствии общепринятой точки зрения на понятие и правовую природу концепции доступности правосудия, разделяемой всеми авторами без исключения, что, как нам кажется, обуславливает наличие потребности в выработке единой позиции по озвученным вопросам.

Что касается сущности (содержания) доступности правосудия, то взгляды на неё у разных теоретиков отличаются не слишком сильно. Идея доступности правосудия понимается в отсутствии необъективных и необоснованных требованиями реального характера препятствий для

реализации права лиц на судебную защиту. Различие, как мы выяснили в ходе анализа литературы, заключается в том, что различные авторы понимают под этими «препятствиями» различные явления: подавляющее большинство теоретиков воспринимают в их качестве только «объективные» препятствия – те из них, которые имеют какое-либо внешние выражения в действительности (правовые, институциональные, организационные и т.д.). Тем не менее, есть ряд авторов, включающих вместе с нами в сущностное наполнение рассматриваемой концепции ещё и «субъективные» факторы – внутренние, «ментальные», а именно – «доверие к судебной системе и взгляды на неё как инструмент защиты своих прав и законных интересов в рамках правового поля, а также влияние профессиональной компетенции, мотивации, морально-нравственных убеждений и системы ценностей лиц, отправляющих правосудие на реализацию принципа доступности правосудия» [25, с. 13].

Нами было проведено отдельное исследование субъективных факторов на реализацию принципа доступности правосудия, в ходе которого мы выяснили, что такие факторы, как доверие к судебной системе и проявления правового нигилизма, оказывают влияние на доступность правосудия, создавая «ментальный» блок для обращения за судебной защитой. Пусть влияние этих факторов сложно оценить (хотя статистические данные и подтверждают наш вывод), а также тот факт, что они проистекают скорее из психологической, педагогической и социальных наук, мы не можем их игнорировать [74]. Междисциплинарность подхода к исследованию и разрешению проблем позволяет более эффективно выстраивать систему права и определять верный вектор её дальнейшего развития [34].

Более того, «Practice note» (пер. «Практическое примечание») о доступности правосудия к United Nations Development Program (UNDP, пер. «Программа развития ООН») в разделе «Barriers to Access to Justice» (пер. «Барьеры для доступного правосудия») указывает, в том числе, и субъективные препятствия для доступа к механизмам судебной защиты:

«Avoidance of the legal system due to ... fear, or a sense of futility of purpose» (пер. «Уклонение от судебной системы в силу страха или чувства бесполезности в достижении цели») [85, с. 4].

В рамках настоящего исследования, при изучении проблемы доступности правосудия, мы будем рассматривать и препятствия объективного характера, и препятствия, имеющие внутреннюю, субъективную природу, поскольку считаем, что подобный подход позволит наиболее полно и точно проанализировать качество реализации принципа доступности правосудия и определить пути дальнейшего развития законодательства Российской Федерации в данном контексте. Более того, поскольку, с нашей позиции, субъективные факторы доступности правосудия являются полноправными составными частями принципа доступности правосудия, и это было обоснованно нами в иных исследованиях, мы можем говорить о полном соответствии требованиям научности, объективности и всестороннего характера, проводимого нами исследования.

Подводя итог данному параграфу, можно утвердить положение идеи доступности правосудия как самостоятельного процессуального правового принципа в общем и целом, поскольку имеется существенная в научной литературе поддержка такой позиции со стороны подавляющего большинства авторов-теоретиков, а также достаточным и качественно высоким уровнем теоретического обоснования этой точки зрения.

Из изложенных нами выше сущности и правовой природы идеи доступного правосудия прямо проистекает определение соответствующего правового принципа. Поскольку настоящая работа имеет своей целью изучение гражданского и арбитражного процессов в Российской Федерации, то нам кажется, что и определение, предложенное нами в рамках теоретического научного осмысления этой идеи, необходимо давать в контексте тематики проводимого исследования.

В качестве итога обзора научных взглядов на идею доступного правосудия и научного осмысления изучаемой концепции, на базе

представленных данных требуется вывести определение принципа доступности правосудия в рамках гражданского и арбитражного процессов. Ранее в наших исследованиях мы уже предлагали следующую формулировку:

«Концепция доступности правосудия в гражданском и арбитражном процессах – самостоятельный и независимый правовой принцип процессуального права (принцип правосудия), заключающийся в отсутствии необоснованных и не соответствующих требованиям объективной действительности препятствий внешнего характера (правового, институционального, организационного и т.д.) для доступа лиц к механизмам правосудия в целях защиты их прав и законных интересов» [25, с. 14].

Тем не менее, учитывая развитие нашего исследования и результаты рассмотрения иных вопросов, прямо и косвенно связанных с доступностью правосудия, за прошедшие годы, полагаем необходимым и обоснованным дополнить изложенное определение, включив в него также и субъективные факторы доступности правосудия.

Таким образом, считаем, что принцип доступности правосудия в гражданском и арбитражном процессах – это самостоятельный и независимый правовой принцип процессуального права (так называемый, «принцип правосудия»), в соответствии с которым каждое лицо, заинтересованное в судебной защите своих прав, свобод и законных интересов, должно обладать всеми механизмами для реализации своего права на судебную защиту при отсутствии необоснованных и необъективных запретов, требований и предписаний нормативного характера, а также при отсутствии препятствий любой природы для реализации означенного права.

Полагаем, что подобное определение раскрывает содержание принципа доступности правосудия, его места в системе принципов процессуального права. Более того, такое понимание доступности правосудия позволит более гибко оценивать степень реализации этого принципа и определять существующие проблемы, о чём будет сказано в дальнейшем.

1.2 Принцип доступности правосудия в законодательстве РФ

Для понимания вектора необходимого развития законодательства Российской Федерации в контексте увеличения доступности правосудия и всесторонней реализации соответствующего принципа необходимо изучить текущее правовое регулирование данного вопроса.

В первую очередь, упомянем ранее названное положение Конституции Российской Федерации, а именно положения п. 1 ст. 46: «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [29]. Это наиболее общее, декларативное положение, устанавливающее государственные гарантии наличия возможности использования механизмов судебной защиты и закрепляющее на конституционном уровне рассматриваемый принцип.

Очевидно, что конституционное положение не может детально и подробно раскрывать пределы доступности правосудия, её содержание, а также конкретные государственные гарантии в данном направлении. Прежде чем перейти к законному и подзаконному уровням регулирования, обратимся к актам международного уровня.

В статье 8 Всеобщей декларации прав человека указано, что «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [11]. Отдельно обратим внимание на использование слова «эффективное». Безусловно, основной посыл данной декларативной нормы означает, что лицо, обратившееся за судебной защитой, должно её в конечном итоге получить, а также получить на достаточно высоком качественном уровне. Однако, полагаем, не будет ошибкой отметить, что без наличия доступных механизмов судебной защиты мы не сможем говорить ни о каком «эффективном восстановлении».

Рассмотрим также положения Международного пакта о гражданских и политических правах. В п. а ч. 1 ст. 2 Пакта указано, что государства «обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты». Указанное положение созвучно ранее приведённому положению Всеобщей декларации прав человека. Более того, в Пакте также указано, что: «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: ... иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником; ... быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника» [35, п. b, d ч. 3 ст. 14]. Несмотря на то, что речь идёт об уголовном процессе, мы явно можем видеть частичное закрепление общепроцессуального принципа доступности правосудия.

Также, несмотря на то, что 23 марта 2022 года по политическим соображениям Российская Федерация была исключена из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также то, что она прекратит своё действие на территории Российской Федерации с 16 сентября 2022 года, полагаем необходимым рассмотреть положения и этого акта, так как в настоящее время он продолжает действовать.

Во-первых, отметим, что положения ч. 3 ст. 6 Конвенции аналогичны приведённым ранее положениям Международного пакта о гражданских и политических правах, что позволяет применить озвученные ранее выводы и к данному документу. Во-вторых, также, как и во Всеобщей декларации прав человека, и в Международном пакте о политических и гражданских правах, в ст. 13 Конвенции говорится об «эффективных средствах защиты» [27].

Таким образом, три самых значимых международных акта в сфере прав человека говорят нам о необходимости для государства создавать «эффективные средства правовой защиты», что мы понимаем, в том числе, и

как предписание обеспечить доступ к этим средствам правовой защиты, поскольку без доступа нельзя говорить об эффективности.

Если говорить об отраслевом процессуальном законодательстве, то мы не обнаружим там положений, закрепляющих доступность правосудия. Да, к примеру, есть созвучные положения статьи 3 Гражданского процессуального кодекса РФ и статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ, которые закрепляют право заинтересованных лиц обратиться в суд за защитой [4; 14]. Тем не менее, это закрепление более общего права на суд, а не принципа доступности правосудия. Хотя, отдельные авторы в западных государствах полагают, что идея доступного правосудия – это составная часть более общего права на суд, о чём мы расскажем подробнее в главе 2 настоящей работы, тем не менее, мы воспринимаем идею доступного правосудия, как уже было сказано ранее, в качестве самостоятельного и независимого принципа процессуального права. И это вынуждает нас утверждать о недостаточном уровне закрепления рассматриваемой идеи в отраслевых кодексах.

На подзаконном уровне доступность правосудия встречается существенно чаще. Например, Указы Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» и от 07 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» предусматривают, что «необходимо внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих совершенствование административного судопроизводства и направленных на повышение доступности правосудия для граждан, организаций и объединений граждан при рассмотрении споров с органами государственной власти Российской Федерации, обеспечение права общественных объединений обращаться в суды общей юрисдикции или арбитражные суды по вопросам защиты интересов граждан, а также на уточнение подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов по экономическим делам в целях

исключения возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования» [38; 44].

Во исполнение данных указов была принята и реализуется в настоящее время Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы». В отдельных положениях Программы указывается: «для достижения указанных целей является необходимым решение следующих задач: обеспечение открытости и доступности правосудия...», «реализация мероприятий федеральной целевой программы ... позволят обеспечить доступ граждан к правосудию, качественную и эффективную работу судов» [46].

Из этого мы можем сделать вывод, что государственная власть в Российской Федерации чётко видит необходимость реализации принципа доступности правосудия и ставит данной задаче высокий приоритет. Однако, мы не можем говорить о том, что и в этих актах принцип доступности правосудия закреплён, поскольку они лишь определяют вектор развития судебной системы Российской Федерации, не раскрывая понятия доступности правосудия, пределов этой доступности, а также критерий оценки степени реализации данной фундаментальной идеи на практике.

В качестве выводов из настоящего параграфа можем озвучить следующее. На сегодняшний день законодательство Российской Федерации не содержит прямого закрепления принципа доступности правосудия как в целом, так и в части описания его внутренних частей – пределов доступности правосудия, содержания принципа, а также критериев оценки степени реализации принципа на практике.

В международных нормативных актах, закрепляющих права и свободы человека и гражданина отмечается, что каждый имеет право воспользоваться, а государство обязано обеспечить наличие «эффективных средств правовой защиты», что, отчасти, по нашему мнению, свидетельствует, в том числе, и о закреплении идеи доступного правосудия. В контексте уголовного процесса международные акты более подробно закрепляют содержание принципа

доступности правосудия, однако настоящая работа посвящена, в первую очередь, гражданскому и арбитражному процессу.

Учитывая всё ранее изложенное в настоящей работе, полагаем необходимым предложить внесение следующих изменений в действующее законодательство Российской Федерации. Текст статей 3 и 4 Гражданского и Арбитражного процессуальных кодексов соответственно дополнить фразой следующего содержания: «Государство гарантирует и обязуется обеспечивать свободный доступ к механизмам судебной защиты для заинтересованных лиц. Под свободным доступом в данном случае понимается отсутствие необоснованных препятствий нормативного, информационного и институционального характера».

Безусловно, здесь мы предлагаем закрепить лишь объективные составляющие доступности правосудия. И те – не все. К примеру, мы не предлагаем закрепить гарантии отсутствия экономических препятствий в силу того, что исполнить подобные гарантии на практике невозможно. Что касается политических препятствий, выраженных, например, во влиянии должностных лиц на принимаемые судебные решения, то здесь имеются соответствующие нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, обеспечивающие такую гарантию. В целом, мы полагаем, что оставшиеся из объективных факторов, что мы приведём в следующем параграфе настоящей работы, а также субъективные факторы должны быть «охвачены» подзаконными актами, к примеру, той же целевой программой, что мы упомянули ранее. В эту же программу, полагаем, необходимо разработать и включить количественные и качественные критерии оценки доступности правосудия в Российской Федерации в конкретный момент времени. Отдельно скажем, что вопросы субъективных препятствий для доступа к правосудию, должны разрешаться правовым просвещением граждан, образовательными механизмами, высоким качеством работы судебной системы в целом и другими способами, которые не требуют обязательного закрепления в действующем законодательстве. Тем не менее, субъективные

факторы и пути их устранения также должны быть понятны законодателю и органам государственной власти при планировании государственной политики в данной сфере.

1.3 Факторы доступности правосудия как существенные обстоятельства, оказывающие влияние на практическую реализацию принципа доступности правосудия

Ранее в настоящей работе мы неоднократно использовали термин «фактор доступности правосудия». Даже без представления дефиниции и её обоснования понятно, что под этим термином мы понимаем обстоятельства и факты, оказывающие влияние на доступность правосудия. К сожалению, современная научная правовая доктрина не содержит в себе работ, описывающих факторы доступности правосудия, их определение, содержание, природу, значение и классификацию. Однако, понимание факторов доступности правосудия, понимание того, что влияет на доступность правосудия, чрезвычайно важно в контексте реализации данного принципа.

Тем не менее, сам термин «фактор доступности правосудия» весьма распространён в научной литературе. Одни авторы говорят о наличии «процессуальных факторов, оказывающих негативное влияние на реализацию принципа доступности правосудия» [53]. Другие пишут об институте бесплатной юридической помощи как одном из факторов доступности правосудия [1]. Иные же ставят реализацию принципа доступности правосудия в непосредственную зависимость от «факторов, влияющих на тот или иной аспект доступности» [63]. Однако, ни один из этих авторов в полной мере не раскрывает, что понимается под этими факторами.

Все они лишь упоминают его, если можно так выразиться, «вскользь» для обозначения этим термином, как мы сказали в начале настоящего

параграфа, тех или иных фактов и обстоятельств, что в теории или на практике создают препятствия для реализации права заинтересованных лиц на доступ к суду – «связывают доступность правосудия с целым рядом факторов как объективного, так и субъективного характера» [31, с. 79]; «доступность правосудия в российском обществе обусловлена рядом факторов как объективного, так и субъективного характера» [80, с. 189].

Мы полагаем, что такая ситуация в корне неприемлема, так как юридическая наука обязана состоять из ясно определённых категорий, используемых в правовых исследованиях, с полным осознанием их сущности, определения, места и значения для юридической науки и практики. Отсутствие наиболее полного понимания теоретической категории факторов доступности правосудия в отдельных случаях может привести нас к крайне неблагоприятным и неприемлемым последствиям, например, к дифферентному толкованию данного термина и, при самом неблагоприятном исходе, дифферентному правоприменению норм в контексте гарантии и обеспечения доступного правосудия в российском государстве [19].

Важность и предназначение нашего исследования по теоретическому осмыслению термина «фактор доступности правосудия» также, как и требуемый результат такого исследования, обуславливается тем фактом, что термин в юридической науке появляется в тот момент, когда он требуется для дефиниции «специальных реалий» в целях обеспечения единого понимания таких реалий в профессиональном юридическом сообществе [68].

Попробуем выработать определение термину «фактор доступности правосудия» для использования в контексте соответствующего принципа.

Используя труды теоретиков-лингвистов, мы можем выявить семантическую характеристику (смысловое наполнение) слова «фактор» как «существенное обстоятельство, способствующее какому-либо процессу, явлению» [9]; «момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении» [77].

Резюмируя сказанное, термин «фактор доступности правосудия» можно было бы раскрыть как «существенное обстоятельство, способствующее практической реализации принципа доступности правосудия». Тем не менее, очень часто термин «фактор доступности правосудия» используется авторами в научной литературе в негативном смысле: им обозначаются факты и обстоятельства, которые уменьшают степень качественной реализации принципа [8; 30; 32], что не даёт нам возможности, учитывая эту практику применения термина, использовать изложенное определение, так как слово «способствующее» носит позитивную семантику (смысл).

Исходя из изложенного, определение термина «фактор доступности правосудия» необходимо, как мы полагаем, излагать следующим образом: «существенные обстоятельства, оказывающие влияние на практическую реализацию принципа доступности правосудия». Считаем, это определение ясно и однозначно выражает смысловое наполнение термина.

Теперь перейдём к вопросу о классификации факторов доступности правосудия: какие факты и обстоятельства, по нашему мнению, оказывают существенное влияние на реализацию рассматриваемого принципа. В первую очередь, полагаем необходимым обратиться к литературе.

Если говорить о классификации факторов доступности правосудия, то они, в отличие от дефиниции этого понятия, упоминались в ряде работ на эту тему. Тем не менее, у предложенных классификаций этой научной категории есть один крайне значимый дефект – их неполнота.

И.А. Приходько в своём диссертационном исследовании доступности правосудия высказал предположение классифицировать факторы доступности правосудия по объёму процессуальных средств и возможностей на:

- «факторы, связанные с процессуальной недостаточностью»;
- «факторы, связанные с процессуальной избыточностью» [53, с. 19].

Для обоснования и большего осознания предложенной классификации И.А. Приходько указал следующие определения используемым в работе терминам: «правовая недостаточность может быть определена как правовое явление, характеризующееся дефицитом имеющихся процессуальных средств в преодолении препятствий к получению эффективной судебной защиты права. Процессуальная избыточность, напротив, характеризуется излишествами в процессуальном законодательстве, которые при определённых условиях становятся препятствием к получению искомой защиты или осложняют её» [53, с. 19].

Безусловно, такая классификация присутствует и обнаруживается нами, но она не включает факторы, которые никоим образом не связаны с процессуальными сторонами реализации принципа.

Также, в дополнение к названной И.А. Приходько описывалась ещё одна классификация факторов доступности, выглядящая следующим образом:

- «исторические традиции»,
- «политические факторы»,
- «социально-экономические факторы»,
- «правовые факторы» [53, с. 35-41].

Но и вторая его классификация, вопреки тому, что она охватывает более существенный спектр рассматриваемых факторов, не может считаться полной, так как, к примеру, нет возможности отнести к какой-то из представленных категорий фактор территориальной доступности.

Н.А. Фролова и И.М. Псарёв в одной из опубликованных статей высказали предположение о необходимости классифицировать рассматриваемые факторы на объективные и субъективные, тем не менее, не раскрывая через дефиницию содержание самих факторов, относящихся к этим категориям, но описывая ряд примеров:

- «объективные факторы (изменение экономических условий и усложнение организации судебной деятельности, удорожание

- юридических услуг, недостаток общественных организаций, призванных оказывать правовую защиту разных слоёв населения)»;
- «субъективные факторы (профессиональная компетентность, структура мотивации, нравственные и духовные качества, система ценностей сотрудников судебных органов)» [80, с. 187].

Мы полагаем, что изложенная названными авторами дифференциация обоснована и в определённой степени соответствует реальности, но требует значимого расширения с дальнейшей классификацией факторов, относящихся к названным авторами и изложенным выше категориям.

Как определяет В.М. Сырых, классификация тех или иных явлений должна применяться для «упорядочивания и систематизации исследуемых в науке объёмов явлений и процессов через их деление на устойчивые по своим признакам группы и виды» [76, с. 280].

В своём исследовании И.В. Понкин и А.И. Редькина выдвинули ряд требований к научным дифференциациям в рамках исследовательской работы:

- «чистота деления»,
- «полнота охвата»,
- «логическая строгость структурного деления»,
- «аппроксимация к максимально возможно достижимой точности терминологической маркировки основания классификации и классифицируемых (формулируемых в ходе и в результате классификации) элементов и их групп»,
- «релевантность собственно самой классификации» [48, с. 255].

Полагаем очевидным, что ранее изложенные авторские классификации факторов доступности правосудия не соответствуют, как минимум, одному из требований – полноте охвата. А это, в свою очередь, обосновывает важность разработки всесторонней классификации рассматриваемых факторов.

Ранее нами было проведено и опубликовано исследование факторов доступности правосудия, в рамках которого мы предложили авторскую классификацию. В первую очередь, как мы указали в исследовании, все факторы доступности правосудия можно разделить на две большие группы: объективные и субъективные факторы доступности правосудия [75].

Под объективными факторами мы понимаем обстоятельства, факты и явления «объективного» характера, имеющие конкретное выражение, форму во внешней действительности. Они, в свою очередь, дифференцируются на несколько больших групп: правовые, физические, информационные, политические и экономические по основанию сферы их происхождения и влияния на доступность правосудия [75]. Рассмотрим каждую из этих групп.

Как ранее мы указывали в исследовании, правовые факторы требуют разделения на институциональные (оказывающие влияние на доступность правосудия особенности институциональной структуры судебной системы), организационные (те или иные особенности организации деятельности судов, влияющие на доступность правосудия) и процессуальные (непосредственные правила судебного процесса, увеличивающие либо уменьшающие доступность правосудия) [75]. Процессуальные факторы, в свою очередь, мы разделили на факторы процессуальной недостаточности и факторы процессуальной избыточности, следуя позиции И.В. Приходько [53, с. 9].

Тем не менее, сейчас мы понимаем, что изложенное деление правовых факторов было неполным. Существуют нормы материального права, так или иначе блокирующие доступ к правосудию, оказывая влияние на реализацию рассматриваемого принципа. Приведём примеры.

Сегодня, как мы изложили в рамках другого своего исследования, существуют три формы участия прокурора в гражданском процессе:

- «подача заявления, жалобы или принесение протеста (представления) в защиту прав, свобод и законных интересов определённых граждан;

- подача заявления, жалобы или принесение протеста (представления) прокурором в защиту неограниченного круга лиц, а также интересов публичных образований;
- вступление прокурора в идущий судебный процесс с целью дачи заключения по конкретному гражданскому делу» [24, с. 74].

При этом, как следует из выводов нашего исследования, выступление прокурора в гражданском процессе в интересах отдельных лиц, а также дача им заключений по гражданским делам выступают формами, противоречащими сущности гражданского процесса, нарушающими принципы состязательности, равноправия сторон и рассматриваемый принцип доступности правосудия. Помимо прочего, очевидно для нас, такие формы участия наносят ущерб правам и законным интересам сторон, находящихся в оппозиции прокурору. Это есть следствие больших ресурсных, информационных и профессиональных возможностей прокурора по сравнению с ординарным участником гражданского процесса. Такое участие в определённой степени блокирует для оппонента прокурора доступ к состязательному и равному правосудию, поскольку заранее становится очевидно, что сторона прокурора имеет ярко выраженный процессуальный перевес. Это говорит нам о том, что положения ст. 45 Гражданского процессуального кодекса [14] и ст. 20 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [43], предоставляющие возможность такого участия прокурору, нарушают идею доступности правосудия [22].

Другим примером подобного может быть отсутствие законодательно разрешённой возможности передавать права пациента уполномоченному лицу. ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ряде статей главы 4 содержит следующие слова «пациент либо его законный представитель вправе...» [37]. Из этого следует, что осуществлять права пациента могут только лица, указанные в этом закрытом перечне: сам пациент либо его законный представитель. Но у дееспособного совершеннолетнего пациента нет законного представителя. Одним из прав

пациента является право получать информацию о состоянии здоровья. Представим ситуацию, что идёт судебный процесс с лечебным учреждением о некачественном оказании медицинских услуг. Подобный процесс, помимо прочего, явно требует изучения всей медицинской документации пациента. Наш условный пациент в бессознательном состоянии (но не признан недееспособным), либо не имеет возможности передвигаться, либо имеет любой иной дефект, препятствующий полноценному участию в сборе доказательств, анализе и представлению в ходе судебного разбирательства. В силу того, что законодательство не позволяет ему передать по доверенности полномочие на сбор информации о его здоровье, получении медицинской документации и прочее, он практически лишён возможности (доступа) к механизмам судебной защиты.

Безусловно, мы здесь опускаем возможность указания лиц, допущенных к этим сведениям, в согласии, которое каждый пациент предоставляет в лечебное учреждение, и допускаем, что пациент находится в ином учреждении на реабилитации после некачественного оказания услуг в первом.

Если мы проанализируем судебную практику, то увидим, что ни в одном из случаев, когда пациент дал уполномоченному лицу доверенность на получение сведений, составляющих врачебную тайну, такое полномочие было реализовано. Суды всегда отказывают в удовлетворении требований при обжаловании отказа в предоставлении сведений таким путём [57-59].

Более того, из текста закона, из судебной практики [2, 51, 56] и даже разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации [41] мы видим, что даже адвокат не вправе, направив адвокатский запрос, получить соответствующую информацию.

Всё это свидетельствует нам, что в контексте чрезвычайно, как мы полагаем, строгой защиты врачебной тайны даже от уполномоченных представителей и адвокатов пациента нарушается принцип доступности

правосудия, поскольку такой подход создаёт колоссальные препятствия для судебной защиты прав пациента [23].

Помимо изложенных, существуют и иные нормы материального права, блокирующие доступ к механизмам судебной защиты [105]. Таким образом, полагаем необходимым дополнить группу правовых факторов доступности правосудия, так называемыми, материальными факторами, включающими в себя наличие правовых норм материального характера, влияющих на реализацию принципа доступности правосудия.

Возвращаясь к классификации объективных факторов доступности правосудия, рассмотрим оставшиеся группы таких факторов.

Факторы физической доступности, мы считаем, включают в себя аспекты территориальной доступности судов и присутственных мест, аспекты доступности судов и присутственных мест и правосудия в целом для граждан с ограниченными возможностями, а также другие факторы, имеющие своей базой физическую составляющую доступности [80, с. 187]. Тут же необходимо рассматривать вопросы чрезмерной загруженности судов, так как такой фактор, считаем, происходит из физической невозможности судов рассмотреть и разрешить наличествующие у них дела в требуемые сроки.

Информационная доступность понимается нами как обладание доступом к информации о деятельности судов, уровня диджитализации (цифровизации) судебного производства, наличия информации о сложившейся судебной практике [5, с. 47; 15].

Политические факторы доступности правосудия мы можем охарактеризовать наличием влияния иных ветвей государственной власти (чаще всего, очевидно, исполнительной) на деятельность и, как результат, принимаемые решения. Полагаем очевидным, что в таких случаях лица, принимающие участие в судебном процессе, кардинальным образом лишены доступа к справедливому и беспристрастному разбирательству, что и говорит нам о факте наличия политических факторов доступности правосудия [118].

Также, к политическим факторам доступности правосудия не будет ошибкой отнести «факторы, влияющие на наличие/отсутствие гражданского общества и его институтов, одной из задач которых выступает общественный контроль за деятельностью судебных органов, за обоснованностью и справедливостью выносимых судом решений» [75, с. 31; 117].

Экономические факторы доступности правосудия, как мы полагаем, должны включать в себя вопросы финансирования судебной системы государством, что влияет на наличие у неё достаточного количества ресурсной базы, а также вопросы финансовой доступности механизмов судебной защиты для лиц, что заинтересованы в них. Подобные факторы доступности правосудия детальным образом рассмотрены в ряде работ, что посвящены проблемам доступности правосудия в Российской Федерации, что, в свою очередь, говорит об их существенности и значимом влиянии на реализацию принципа доступности правосудия [54; 66].

Перейдём к рассмотрению категории субъективных факторов.

Они, как мы считаем, – выступают обстоятельствами внутреннего характера и находят своё выражение во «взглядах, убеждениях и мнениях как лиц, заинтересованных в механизмах правосудия, так и лиц, имеющих непосредственное отношение к его отправлению» [75].

Субъективные факторы доступности правосудия также могут быть поделены по основанию принадлежности лиц, их создающих, к судопроизводству на факторы лиц, причастных к отправлению правосудия, и факторы лиц, заинтересованных в механизмах судебной защиты. Первое множество включает в себя, изложим соглашаясь с Н.А. Фроловой и И.М. Псарёвым, «факторы уровня профессиональной компетенции, мотивации и морально-нравственных качеств работников судебной системы» [80, с. 187]. Ко другому множеству, полагаем, необходимо относить факторы «доверия граждан судебной системе и вопросы восприятия суда как эффективного инструмента защиты прав, свобод и законных интересов в рамках правового поля (наличие проявлений правового нигилизма)» [74].

Резюмируя изложенное, мы представили классификацию факторов доступности правосудия. Для большей наглядности этой классификации мы составили блок-схему, представленную в Приложении А.

Отметим, что изложенная классификация факторов доступности правосудия не является единственно возможной. Например, факторы можно классифицировать на первичные и вторичные. При такой классификации фактор загруженности судов, принадлежащий к группе физических факторов, будет выступать вторичным по отношению к фактору финансирования судебной системы, поскольку от этого зависит объём ресурсов у судов.

Комплексное понимание всех факторов доступности правосудия позволит более точно и более всеобъемлюще изучать и разрешать проблемы доступности правосудия, что не только увеличит степень реализации принципа доступности правосудия, но и будет обеспечивать выполнение главной задачи судебной системы в целом – отправления правосудия.

Подводя итог настоящей главе, озвучим основные выводы.

В научной литературе сложился консенсус в понимании правовой природы и места идеи доступного правосудия в системе принципов процессуального права. Большинство авторов воспринимает эту концепцию как самостоятельный и независимый процессуальный принцип.

Несмотря на отдельные позиции авторов, не согласующиеся с пониманием доступности правосудия как самостоятельного и независимого правового принципа, все они раскрывают её как отсутствие существенных препятствий для доступа к механизмам правосудия.

Развивая существующие научные позиции, предлагаем понимать под принципом доступности правосудия в гражданском и арбитражном процессах – самостоятельный и независимый правовой принцип процессуального права (так называемый, «принцип правосудия»), в соответствии с которым каждое лицо, заинтересованное в судебной защите

своих прав, свобод и законных интересов, должно обладать всеми механизмами для реализации своего права на судебную защиту при отсутствии необоснованных и необъективных запретов, требований и предписаний нормативного характера, а также при отсутствии препятствий любой природы для реализации означенного права.

Отметим, что в науке нет единого понимания таких «препятствий». Каждый автор, изучающий доступность правосудия, вкладывает свой смысл и даёт свой перечень фактов и обстоятельств подобного рода. Мы являемся сторонниками позиции, согласно которой такими препятствиями могут быть как обстоятельства объективного характера, так и внутренние, «ментальные» причины, связанные с убеждениями, ценностями и прочими субъективными составляющими личности.

Ситуация осложняется тем, что законодательство Российской Федерации не закрепляет детально принцип доступности правосудия, не раскрывает объём и пределы доступности, не устанавливает конкретные государственные гарантии доступности правосудия.

Предлагаем дополнить текст статей 3 и 4 Гражданского и Арбитражного процессуальных кодексов соответственно фразой следующего содержания: «Государство гарантирует и обязуется обеспечивать свободный доступ к механизмам судебной защиты для заинтересованных лиц. Под свободным доступом в данном случае понимается отсутствие необоснованных препятствий нормативного, информационного и институционального характера». Такая формулировка не только закрепит в отраслевом законодательстве гарантии доступности правосудия, но и частично определит конкретные аспекты доступности правосудия. Безусловно, здесь закрепляются не все составляющие доступного правосудия, так как, с одной стороны, некоторая часть аспектов доступного правосудия, например, финансовых, по объективным причинам гарантировать невозможно, а, с другой стороны, существуют иные правовые нормы, обеспечивающие гарантии доступного правосудия в неохваченных

данной формулировкой сферах. Также, необходима более детальная разработка векторов направления развития судебной системы в контексте доступного правосудия, определение пределов и объёмов доступного правосудия, выработка критериев качественной и количественной оценки степени реализации доступного правосудия в рамках подзаконных нормативных актов.

В научной литературе часто можно встретить термин «фактор доступности правосудия», однако ни один из авторов не даёт полноценного определения данному термину, не описывает его содержание. Такая ситуация неприемлема. В связи с этим, нами было разработано определение факторов доступности правосудия: это существенные обстоятельства, оказывающие влияние на практическую реализацию принципа доступности правосудия.

Более того, восполняя ещё один пробел отечественной правовой доктрины, мы дали всеобъемлющую классификацию факторов доступного правосудия, которая может выступать некой «дорожной картой» при определении направлений развития судебной системы в данной сфере. Невозможно проводить комплексную и эффективную деятельность по увеличению доступности правосудия, не имея представления о том, какие именно факторы оказывают на неё непосредственное влияние. Схематическое представление классификации факторов доступности правосудия изложено в Приложении А к настоящей работе.

Глава 2 Принцип доступности правосудия в зарубежных государствах и деятельности международных организаций

2.1 Сравнительный анализ теоретических положений зарубежной и российской научных доктрин о концепции доступности правосудия

В рамках настоящего параграфа предлагаем рассмотреть и сравнить с отечественной положения зарубежной правовой доктрины о концепции доступности правосудия для выявления сходств и различий, а также определения более детальных и качественных теоретических взглядов.

В первую очередь полагаем необходимым ознакомиться с доктриной «близких» Российской Федерации стран в правовом и политическом контекстах. Рассмотрим позиции белорусских учёных.

«Принцип доступности правосудия (доступности судебной защиты) означает обеспеченную законом возможность беспрепятственно обратиться в суд за защитой своего нарушенного права и получить такую защиту. Несмотря на то, что данный принцип конкретно не закреплён в ХПК, он основательно исследован в науке» [33, с. 126]. Из изложенного следует вывод, что белорусская правовая доктрина аналогичным образом воспринимает идею доступного правосудия как самостоятельный и независимый правовой принцип. Также, белорусское законодательство, как и российское, не содержит детального закрепления рассматриваемого принципа.

Более того, содержание принципа доступности правосудия в белорусской доктрине раскрывается также аналогичным образом: «сущность доступности правосудия заключается в отсутствии чрезмерных, необоснованных правовых и практических препятствий для обращения в суд, рассмотрения и разрешения дела в суде» [33, с. 126-127; 78]. Единственное отличие в том, что белорусские учёные не уделяют внимания субъективной составляющей доступности правосудия.

При этом, нами обнаружены разъяснения Верховного Суда Республики Беларусь, в которых вопреки изложенным доктринальным позициям доступность правосудия понимается исключительно в контексте принципа гласности судопроизводства и только в доступности для заинтересованных лиц информации о деятельности судов [39]. Полагаем, такая позиция в корне неверная, что подтверждается и взглядами белорусских учёных, говорящих о слишком «узком» характере такого подхода.

«Категории доступа к правосудию стал присущ универсальный, неперсонифицированный, трансграничный характер, выходящий за рамки классического понимания доступа к правосудию как возможности фактического присутствия в зале судебного заседания, подачи заявления или получения интересующей информации о судебной деятельности в процессе непосредственного обращения в суд. В связи с этим доступ к информации о деятельности суда и гласность судебного разбирательства выступают здесь скорее, как средства, с помощью которых реализуется право на доступ к правосудию» [82, с. 286].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что доктрина белорусского права содержит удовлетворительное описание концепции доступности правосудия. Не будет ошибкой утверждать, что все её положения в той или иной степени аналогичны положениям отечественной правовой доктрины. Такие же взгляды на доступность как на самостоятельный принцип, такое же раскрытие содержания через утверждение о необходимости обеспечения доступа к суду в отсутствие препятствий нормативного и объективного характера. Похожая ситуация и с игнорированием субъективной составляющей доступности правосудия. В ходе анализа работ белорусских учёных мы, к сожалению, не смогли найти утверждений о том, что субъективные факторы также могут выступать препятствиями для реализации принципа доступности правосудия [33; 78; 82].

Что касается Казахстана, то здесь мы обнаруживаем более гибкие, как мы считаем, взгляды на концепцию доступности правосудия.

Конечно же, учёные-юристы в Казахстане также, в первую очередь, говорят именно об объективных препятствиях доступу к суду. Тем не менее, в их утверждениях прослеживается возможность признать возможность существования субъективных факторов доступности правосудия. Так, профессор С. Журсимбаев, доктор юридических наук, пишет: «доступность правосудия означает недопустимость искусственно создаваемых препятствий и наличие факторов и норм, блокирующих доступа граждан к правосудию» [18]. Очевидно, что «недопустимость ... наличия факторов ..., блокирующих доступ граждан к правосудию» может быть истолкована и как недопустимость наличия правового нигилизма, недоверия к судебной системе и прочих факторов, что были нами названы субъективными.

Также, в исследованиях, посвящённых доступности правосудия наряду с такими мерами по её обеспечению как цифровизация судопроизводства, гарантии юридической помощи малообеспеченным гражданам, совершенствованием процессуального законодательства и других, указывается на необходимость контроля за судебной системой со стороны гражданского общества, что не только влияет на политические факторы доступности правосудия, но и обеспечивает устранение ряда субъективных факторов, как недоверие к судебной системе либо понимание бесцельности обращения в суд за защитой нарушенного права [17].

Несмотря на то, что, как и в случае с Республикой Беларусь, мы не обнаружили однозначных утверждений о возможности включения субъективных факторов в понимание доступности правосудия, позиция казахстанских учёных более близка к тому, чтобы сделать, если можно так выразиться, следующий шаг и развить существующее понимание доступности правосудия в сторону более широкого охвата того, что необходимо считать доступным правосудием.

Резюмируя изложенное, научные доктрины Республики Беларусь и Казахстан весьма близки к отечественной правовой доктрине в вопросах описания правовой природы и содержания концепции доступного

правосудия. Как и отечественные учёные, авторы в этих странах, на наш взгляд, совершают ту же самую ошибку – охватывают доступностью правосудия лишь поверхностные, «видимые невооружённым взглядом» факторы и причины, что могут стать препятствием для доступа к механизмам судебной защиты.

Тем не менее, отличием российской правовой доктрины выступает хоть какое-то по степени разработанности убеждение о необходимости воспринимать доступность правосудия в более широком смысле. Несмотря на малое количество таких взглядов в юридической литературе, они есть и оказывают влияние как на развитие теоретических положений, так и на правотворчество и правоприменение.

В дальнейшем в настоящем параграфе предлагаем рассмотреть правовые доктрины развитых зарубежных государств.

Эндрю Гротрайан, британский учёный-теоретик, рассматривая концепцию доступного правосудия в одной из своих работ, сделал вывод, что право на доступ к суду выступает составляющей более общего права на суд [95]. Безусловно, если говорить о субъективном праве на доступ к суду, то подобный взгляд нам кажется весьма обоснованным и логичным. Собственно, принцип справедливости судебного разбирательства имеет своё отражение в субъективном праве на справедливое судебное разбирательство, равно как и каждый иной принцип выражен в том или ином праве. Несмотря на то, что данная позиция не рассматривает концепцию доступного правосудия в целом, полагаем необходимым её изложить, так как из утверждения о том, что право на доступ к суду это составная часть права на суд, напрямую следует, что без гарантий и защиты принципа доступности правосудия мы не сможем говорить о выполнении судебной системой своей основной задачи – отправления правосудия. Это коррелирует со многими положениями, изложенными ранее.

Другой известный британский учёный, Алан Гаттерман, профессор Кембриджского университета, доктор юридических наук, отмечает, что в

британской доктрине сложилось несколько взглядов на доступность правосудия, все их можно свести к пониманию доступности как гарантии доступа к механизмам судебной защиты нарушенного права. Также он утверждает, что принцип доступности правосудия необходимо понимать и толковать в соответствии с другими принципами правосудия, например, принципом всеобщего равенства перед законом и судом. Сам он выделяет несколько составляющих доступности правосудия:

- отсутствие правовых препятствий для обращения в суды (как он выразился, отсутствие правовой дискриминации);
- распространённость и качество юридических знаний в непрофессиональной среде (очевидно, что здесь идёт речь об отсутствии правового нигилизма в обществе, что, в общем-то, соответствует нашему взгляду на субъективные факторы доступности правосудия);
- доступность юридических консультаций и представительства в финансовом, территориальном и, что самое интересное, «доверительном» аспектах (здесь профессор Гаттерман говорит о доверии к государственным институтам и юридической профессиональной среде, что также сопоставимо с субъективными факторами доступности правосудия, проистекающими от лиц, заинтересованных в правосудии, и озвученными нами ранее);
- формальный, территориальный, физический и информационный доступ к учреждениям правосудия;
- наличие справедливой процедуры, учитывающей, в частности, возможность предъявлять доказательства, состязательность, способность просить рассмотрения дела на доступном участнику процесса языке либо наличие возможности использовать переводчика, институциональные гарантии и прочее;
- вынесение исполнимого решения [96].

Как мы можем заметить, профессор Гаттерман во многом говорит именно о тех факторах, что обсуждались нами ранее в настоящей работе, только в менее систематизированном и структурированном виде. Также автор не упоминает ряд факторов, существенных для правосудия, а именно факторы политического характера. Впрочем, это может быть следствием того, что профессор уделял внимание именно тем факторам, что актуальны для современного британского общества.

Однако, как показывает анализ научных работ британских авторов, основной акцент в последние годы уделяется именно финансовой доступности правосудия. Как отмечает один из авторов, за последние десятилетия размер гонорара британского юриста вырос вдвое. В то же самое время, государство в условиях кризиса и жёсткой экономии снижает расходы на бесплатную юридическую помощь. Доступ к правосудию для государства больше не является таким же приоритетом, как образование, медицина и другие сферы. В связи с этим автор отмечает, что доступность правосудия в Соединённом Королевстве это роскошь, которая не всем по карману. Автор приходит к выводам о необходимости развития и реформы системы бесплатной юридической помощи в Великобритании [115].

Действительно, если говорить об основной теме исследований рассматриваемого принципа в Великобритании, то это именно финансовая доступность правосудия. Сам факт того, что судья Верховного Суда Соединённого Королевства в своей речи отмечает факты «демонтажа» системы бесплатной юридической помощи и утверждает об «угрозе», нависшей над системой правосудия Королевства в силу отсутствия к ней доступа [84], обусловленной чрезвычайно дорогой стоимостью юридических услуг и судебных пошлин, свидетельствует нам о высочайшей степени актуальности этой проблемы для британского общества.

Резюмируя изложенное, отметим, что британская правовая доктрина более широко воспринимает концепцию доступного правосудия, включая и придавая значение, в том числе, и субъективным факторам – уровню

правосознания, доверию к институтам и так далее. В данном контексте британская правовая доктрина существенно более глубоко разработала положения о доступности правосудия, чем российская. Также отметим, что в последнее время значимым направлением для исследований выступает финансовая доступность правосудия, что, как нам кажется, выступает проблемой во многих западных государствах. Учёные в Соединённом Королевстве пытаются выработать пути и методы решения данной проблемы, самым главным из которых выступает, реформа и большее финансирование институтов бесплатной юридической помощи.

Канадская правовая доктрина довольно близка британской по объективным причинам. В 2005 году в Йорке вышел сборник статей, посвящённых проблеме доступности правосудия. Во введении к сборнику за авторством ряда авторитетных и известных на тот момент учёных – профессора У.А. Боггарта, Виндзорский университет, профессора Ф. Земандса, Торонтский университет, и Ю. Басс, советника Юридического общества Верхней Канады, отмечалось, что в западной правовой доктрине в целом о доступности правосудия впервые начали говорить в 1960-х годах и только в контексте «доступа к суду» и «доступа к юристам». В следующем десятилетии концепция расширилась, включив в себя институциональные составляющие судебной системы. В 80-х годах прошлого столетия доступность правосудия стала охватывать проблему равенства. Следующий этап развития пришёлся на девяностые годы XX века, когда доступность правосудия стала предполагать большее участие общества в институциях, создающие и применяющие право, для улучшения ситуации с доступностью. Текущий, пятый этап развития концепции, предполагает применимость «каждой грани жизни граждан» к понятию доступности правосудия [86].

В целом, положения, изложенные канадскими учёными в названном сборнике работ во многом аналогичны положениям британской правовой доктрины, изложенным нами ранее в настоящей работе.

Обратим свой взгляд на Соединённые Штаты Америки.

Сегодня доступность правосудия в американском обществе находится на крайне и крайне низком уровне. Некоторые авторы утверждают, что сегодня ситуация с доступностью правосудия в США является худшей за последние десятилетия [112]. Подобное утверждение согласуется с рядом статистических данных. К примеру, 76% участников гражданских дел в США не имели представителя (что говорит, возможно, о чрезвычайно высоком уровне стоимости юридических услуг) [103]. Более того, 90% лиц, участвующих в судебных процессах по выселению в городе Нью-Йорк также не имеют представителя [111]. Полагаем, что такие результаты говорят о катастрофических масштабах недоступности правосудия, поскольку не имея возможности обратиться за квалифицированной юридической помощью, граждане практически не в состоянии грамотно участвовать в судебном процессе, добиваясь справедливости. Как мы и предполагали, это проблема присуща большинству развитых западных стран.

В одной из значимых для американской правовой доктрины работ на тему доступности правосудия, опубликованной в 1978 году коллективом авторов из юридической школы Университета Индианы, представлен краткий обзор трансформации понятия «доступ к правосудию» в западных обществах. Авторы отмечают, что в либеральных, «буржуазных» государствах конца XVIII – начала XIX веков, впервые появившееся «право на доступ к суду» означало лишь формальную возможность обратиться в суд и предстать перед ним. Все иные сложности, включая, например, неравенство различных социальных слоёв, как они пишут, «не были заботой государства» [88].

Они говорят, что до последних лет (напомним, что работа была опубликована в 1978 году) юридическая наука также была безразлична к возникающим на практике сложностям, оставаясь «формальной, догматичной и отчуждённой от реальных проблем правосудия» [88].

При этом, возросший общественный запрос на защиту и гарантии их субъективных прав, а также изменения в сознании как общества в целом, так

и юристов, сделали совершенно необходимым оказать должное внимание эффективным средствам защиты социальных и индивидуальных прав, поскольку в противном случае само их существование было бы бессмысленным. Таким образом, право на доступ к суду стало основным правом человека, а принцип доступности правосудия – центральной идеей права. Государство должно гарантировать, а не просто провозглашать права человека и гражданина [88].

С сожалением отметим, что в некоторых аспектах доступности правосудия современная отечественная правовая наука остаётся догматичной, формальной и безразличной к реальным проблемам правосудия. Как таковая, доступность правосудия не является актуальной темой для современных российских авторов, что кажется нам в корне неправильным, поскольку, как мы и авторы, нами процитированные, неоднократно отмечали, что доступность правосудия есть гарант самого правосудия, а, значит, гарант всех ценностей, что могут быть защищены в суде.

В 2019 году в Кембридже, штат Массачусетс вышел сборник юридических работ, целиком и полностью посвящённый проблеме доступности правосудия. Сборник включил в себя 24 эссе о разных аспектах рассматриваемого принципа. Предлагаем ознакомиться со взглядами американских юристов на концепцию доступности правосудия, её содержание и проблемы, с которыми сегодня сталкивается американское общество.

Роберт Франк, профессор Корнельского университета, изложил позицию, в соответствии с которой рост неравенства, низкие доходы населения угрожают доступу к правовой системе США. По его мнению, экономическое неравенство в обществе можно приравнять к правовому неравенству, поскольку это говорит об отсутствии у граждан возможности реализовать базовые юридические потребности в справедливости [92].

Подобный взгляд, как мы уже отмечали при исследовании факторов доступности правосудия, разделяется большинством российских авторов. Действительно, экономические факторы – одни из первых, что упоминаются учёными при исследовании доступности правосудия [54; 66].

Линкольн Каплан, старший научный сотрудник Йельской школы права, считает, что юридическая профессия потеряла свою ценность как призвание. Существенная часть юристов при определении того, согласится ли он оказывать юридическую помощь или нет, исходят из возможного денежного вознаграждения, перспектив собственной выгоды как в материальном, так и в репутационном плане. По его мнению, необходимо возродить взгляд на юридическую профессию как предназначение, устранив восприятие профессии как одной из сфер услуг, деятельность в рамках которой направлена на извлечение прибыли. Л. Каплан полагает, что нужно вернуть старые традиции юридического образования, чтобы юристы вновь стали, как он выразился, «Невостпетыми героями Республики» [89].

Такая позиция согласуется с ранее изложенным нами взглядом на существенное влияние субъективных факторов, проистекающих от лиц, причастных к отправлению правосудия, на доступность правосудия в целом. Некоторые авторы в число факторов доступности правосудия, как мы ранее отмечали в работе, включают взгляды, убеждения и ценности работников судебной системы [80]. Тем не менее, не только эти люди, непосредственно работающие в судах, могут повлиять на доступность правосудия. Любой профессиональный участник судебного процесса, в силу тех или иных своих убеждений, как мы полагаем, может как усилить доступность (согласившись, например, за меньшую плату помочь добиться справедливости лицу с маленьким доходом), так и уменьшить её (отказав в приведённом примере).

Ребекка Сандефур, профессор Аризонского университета, говорит о том, что доступ к правосудию – это не просто доступ к механизмам судебной системы. Это доступ к элементарным потребностям каждого гражданина – здоровью, жилью, работе или деньгам. Она отмечает, что более ста миллиона

граждан США ежегодно сталкиваются с проблемами доступа к правосудию при разрешении проблем о выселении, взыскании задолженности, банкротстве, невыплате заработной платы, насилия в семье, доступе к лечению и так далее. Отсутствие возможности разрешить эти проблемы в рамках судебной системы с полным доступом ко всем необходимым механизмам судебной защиты приводит к бездомности, болезням и травмам, бедности, разводам и прочему [110].

Такой взгляд также сочетается с нашей позицией о том, что без доступа к правосудию не может быть самого правосудия в целом. Аналогичные взгляды высказываются большинством авторов, признающих концепцию доступного правосудия самостоятельным и независимым принципом, развивая и поддерживая точку зрения профессора В.М. Семёнова, изложенную нами в самом начале работы [70].

Тоня Брито, профессор права Университета Висконсина, развивая проблематику финансовой доступности правосудия, говорит о необходимости разработки права на адвоката в рамках гражданского производства для лиц, которые «справедливо в этом нуждаются» [87].

В данном аспекте российское законодательство более развито, чем американское. С 2011 года в Российской Федерации действует ранее упомянутый Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в РФ» [43], устанавливающий государственные гарантии в сфере доступа к правосудию со стороны малоимущих лиц. Тем не менее, круг лиц, очерченный в данном законе, которые могут воспользоваться бесплатной юридической помощью чрезвычайно узок и не затрагивает абсолютно все слои, категории и группы граждан, которым такая помощь необходима [55].

Не стоит отдельно упоминать, что существенная часть авторов в рамках отечественной правовой доктрины также разделяет взгляды на необходимость существования бесплатной юридической помощи [21; 71; 81].

Танина Ростейн, профессор Джорджтаунского университета, высказала мысль, что цифровизация правового поля окажет существенное влияние на

степень доступности правосудия в положительном ключе [108], что эквивалентно взглядам многих отечественных учёных.

Колин Шанахан и Анна Карпентен говорят о загруженности судов, что влияет на доступность правосудия [113]. Паско Плезенс и Найджел Балмер утверждают, что отсутствие доступа к правосудию снижает эффективность общественных взаимоотношений в целом и вызывается дефицитом возможностей различного характера [106]. Роберт Гордон сожалеет, что американское государство не переняло позицию европейских государств, согласно которой юридическая помощь, как и медицинская помощь должна быть доступна абсолютно всем слоям населения и финансово обеспечиваться со стороны государства [94].

Как мы можем заметить, взгляды американских учёных на природу и содержание концепции доступного правосудия во многом аналогичны взглядам отечественных авторов. Тем не менее, в американской доктрине аспекты, влияющие на доступность правосудия, понимаются существенно более широко, вопреки распространённой в российской литературе позиции. С сожалением отметим, что российские авторы в доступность правосудия, чаще всего, вкладывают только то, что, если можно так выразиться, «лежит на поверхности», не проводя глубокий анализ и не рассматривая факторы смежных научных дисциплин – экономики, социологии, психологии и других.

Рассмотрев позиции британских и американских учёных, полагаем необходимым вернуться на европейский континент для изучения положений научных доктрин государств, входящих в состав Европейского союза.

Создание Европейского союза, принятие общеевропейских нормативных актов, создание единых институций и повсеместная интеграция повлияли на правовые системы стран, входящих в состав ЕС, в контексте их повсеместной унификации. Безусловно, существуют отдельные различия, связанные с историческими, политическими, экономическими либо иными причинами, что присущи каким-то отдельным государствам Союза, но

общий вектор развития и основные положения как законодательства, так и европейской правовой доктрины во многом схожи.

Коллектив авторов в 2017 году провёл исследование доступности правосудия в рамках системы Европейской конвенции о правах человека. Учёные отметили, что термин «доступность правосудия» не встречается в Конвенции и до недавнего времени не встречался в документах ООН, раскрывающих права человека [93]. Ситуация начала меняться с принятием ООН документа, посвящённого доступности правосудия для лиц с ограниченными возможностями [91]. Авторы утверждают, что доступность правосудия можно понимать в узком и в широком смысле. Доступность правосудия в узком смысле – это чисто процессуальная доступность, заключающаяся в наличии процессуальных правил, обеспечивающих возможность обратиться с иском. Доступность в широком смысле это «и процесс, и цель». Другими словами, в широком смысле эта концепция раскрывается как обеспеченная возможность защитить свои права и законные интересы в конечном итоге. Также в работе отмечается, что перечень факторов, влияющих на доступность правосудия различается от работы к работе, поскольку разные авторы вкладывают разный смысл в идею доступного правосудия. Тем не менее, «косвенный» доступ к правосудию, как его называют авторы, также важен и должен быть обеспечен [93].

В 2014 году была опубликована статья, посвящённая анализу доступности правосудия в Германии. В указанной статье автор рассмотрел известные нам факторы доступности правосудия – количество судей, доступность юридической помощи, загруженность судов, финансовую составляющую доступности, цифровизацию судопроизводства и другие. В целом, позиция немецкого юриста схожа с нашим пониманием доступности правосудия, за исключением субъективных факторов доступности, не затронутых им в исследовании. Автор утверждает, что несмотря на то, что принцип доступности правосудия не закреплён в немецкой конституции, устоявшаяся судебная практика вместе с разъяснениями Федерального

Конституционного Суда ФРГ утверждают концепцию доступности правосудия именно как общеправового принципа. Также, о доступности правосудия может говорить положение немецкой конституции о гарантиях эффективной правовой защиты [101].

Если говорить о Китае, то, как отмечают некоторые авторы, за последние десятилетия в Поднебесной произошло существенное развитие гражданского процесса, в том числе и в контексте доступности правосудия. Авторы отмечают, что таким образом усилилась защита основных прав и свобод человека и гражданина, что соответствует нашему пониманию доступности правосудия [98]. Основной же вектор исследований доступности правосудия в последние годы в отличие от стран западного мира сместился на цифровизацию правосудия, что, по мнению многих учёных, внесёт значимый вклад в доступность правосудия в Китае [114; 116].

В ещё одном исследовании, подтверждая положения о реформе китайской правовой системы, ныне основанной на конституционализме, правах человека и верховенстве права, автор исследует влияние центров юридической помощи на доступность правосудия [97]. Это, хоть и в меньшей степени по сравнению с цифровизацией, также является актуальным объектом исследования в китайской юридической науке.

В целом, взгляды китайских учёных на сущность, природу и содержание доступности правосудия аналогичны российским, за одним исключением – мы не смогли обнаружить исследования, посвящённые субъективным факторам доступности правосудия.

Конечно, мы рассмотрели далеко не все страны и их правовые доктрины в изложенном обзоре и анализе. Тем не менее, формат выпускной квалификационной работы магистра и связанные с ним ограничения устанавливают определённые рамки для нас, за которые мы выйти не можем. Однако, изложенного достаточно для того, чтобы озвучить следующие выводы из настоящего параграфа.

В общем и целом, под доступностью правосудия понимается одна и та же идея в любой точке мира – доступность правосудия означает гарантированную возможность получить судебную защиту своих прав, свобод и законных интересов. В общем, консенсус о месте рассматриваемой концепции заключается в том, что доступность правосудия это самостоятельный и независимый правовой принцип. Различия заключаются в том, что содержится в идее доступного правосудия, что может, по мнению учёных, препятствовать доступности к механизмам судебной защиты, а что не стоит даже упоминать. Безусловно, все авторы рассматривают процессуальную составляющую доступности правосудия, используя данную концепцию в её узком понимании. Большинство расширяет идею доступности, включая в неё финансовую, физическую или информационную составляющую доступности. Интересно различие между условными «западными» странами и всем остальным миром – западные правовые доктрины в существенно большей степени рассматривают субъективные факторы доступности правосудия как органичные составляющие концепции в целом.

2.2 Доступность правосудия в зарубежной и международной правотворческой, судебной и административной практике

В первую очередь в рамках настоящего параграфа предлагаем рассмотреть позиции международных судов и международных организаций об идее доступности правосудия.

Обратимся к судебной практике Европейского суда по правам человека, который, хоть, и не совсем актуален для нашей страны с недавних пор, тем не менее, разработал ряд интересных и применимых в науке и практике положений о концепции доступности правосудия. Как отмечают некоторые авторы, именно благодаря практике Суда в российской правовой доктрине закрепилось понятие «доступ к правосудию» [79], что

обуславливает наш интерес и постоянные ссылки других авторов исследований в сфере доступности правосудия на практику ЕСПЧ и международные стандарты защиты прав и свобод человека и гражданина.

Мы можем обнаружить в одном из постановлений Европейского суда по правам человека положения о том, что доступность правосудия, а точнее право на доступ к правосудию, представляет собой элемент более общего права на суд, заключающийся в отсутствии чрезмерных и необъективных правовых или практических препятствий для получения судебной защиты [49].

Изложенная позиция актуальна и значима тем, что по мнению Суда право на доступ к суду это право на суд в целом, а значит, что доступность правосудия обеспечивает само правосудие, в конечном итоге гарантируя судебную защиту прав, свобод и законных интересов. Без доступа к суду не может быть суда. Это положение, подчёркивающее значимость и центральный характер принципа доступности правосудия мы неоднократно излагали ранее в настоящем исследовании.

В рамках рассмотрения другого дела Европейский суд по правам человека пришёл к выводу о том, что право на доступ к суду не абсолютно и может подвергаться определённым ограничениям со стороны государства. В качестве примеров таких ограничений может выступить определённый процессуальный порядок инициации разбирательства в суде, требования к соблюдению досудебного порядка разрешения возникшего конфликта, требования об уплате государственной пошлины и другие. Отдельно Суд отметил, что создание таких ограничений должно быть объективно обоснованно, а сами ограничения не должны существенным и кардинальным образом препятствовать к обращению за судебной защитой [50].

Отметим, что в рамках своей деятельности Суд не рассматривал сущность и правовую природу концепции доступности правосудия, а лишь применял её на практике в конкретных делах. Таким образом, мы не будем, если можно так выразиться, «придираться» к терминологии, используемой

судом. Например, упомянутое «право на доступ к суду», под которым понимается именно применяемая к субъекту, обратившемуся за судебной защитой, составляющая принципа доступности правосудия, слишком узкое понятие, тем не менее, оно, по нашему мнению, раскрыто надлежащим образом и правильно применено к обстоятельствам конкретного дела.

Аналогичным образом понимается доступность правосудия как право на доступ к суду и в международных арбитражных судах.

В ушедшем 2021 году Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, международный арбитраж, входящий в Группу учреждений Международного банка, рассмотрел дело по иску Lion Mexico Consolidated LP к Мексике по факту отказа в «процедурной справедливости», вследствие чего было нарушено права истца на доступ к суду.

Спор возник в связи с тремя краткосрочными займами, выданными одному из мексиканских бизнесменов. Последний объявил себя банкротом, не погасив займы. Истец обратился с рядом требований в местные суды, которые встали на сторону ответчика, аннулировав векселя и закладные. Посчитав, что суды приняли неправомерное решение, вследствие несправедливого и неравноправного обращения, нарушив правила о надлежащей правовой процедуре, Истец обратился в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров. Он утверждал, что был лишён возможности использовать надлежащую правовую процедуру и средства правовой защиты против должника, что выразилось в неправомерном объявлении должника банкротом, отказе истцу в возможности обжаловать аннулирование векселей и закладных, отказе выносить решение о подлинности мирового соглашения, на которое ссылался истец в обоснование своей позиции. Это стало следствием того, что истец не был должным образом уведомлен о судебном разбирательстве, а после вступления решения в законную силу не смог его обжаловать в апелляционном порядке.

При разрешении данного дела Международный центр по урегулированию инвестиционных споров упомянул «пороговые критерии» для определения отказа в доступе к правосудию:

- отказ всегда носит процессуальный характер;
- доступ затруднён, если сторона не уведомлена о разбирательстве либо не может принять в нём участие;
- «ненадлежащее и вопиющее» поведение местных судов, преднамеренное или нет, которое, цитата из решения, «шокирует чувство судебной справедливости» [100].

Применяя эти критерии, Арбитраж пришёл к выводу о том, что истцу на самом деле было отказано в доступе к правосудию, поскольку он был лишён возможности защитить себя в мексиканском судебном разбирательстве. Отдельно Арбитраж отметил, что в данном случае «отказа в правосудии по существу не было». «Хотя дихотомия между материально-правовым и процессуальным отказом в правосудии действительно была принята (в большей или меньшей степени) некоторыми арбитражными судами, такая дифференциация бесполезна». Тем не менее, стандарты определения отказа в доступе к правосудию являются объективными и могут быть правильно применены к обстоятельствам каждого дела [100].

В рамках представленного дела рассмотрены названные нами процессуальными факторы доступности правосудия. В силу существенной дифференциации процессуального законодательства разных стран многие международные арбитражи используют формулировки, схожие с изложенным «шокированием чувства судебной справедливости», оставляя на своё собственное усмотрение, было ли в данном конкретном случае нарушено право на доступ к суду или же нет.

Аналогичные выводы и позицию мы можем обнаружить и в иных решениях названного Арбитража [102, 104].

Кстати, возвращаясь к международным актам, рассмотренным в § 1.2. настоящей работы, вспомним, что международные договоры закрепляют за

каждым право на суд и эффективную правовую защиту. Таким образом, практика международных судов раскрывает это положение именно тем образом, что мы описали ранее в исследовании – право на суд и есть воплощение, в том числе, и права на доступ к суду.

Как мы отмечали ранее, Организация Объединённых Наций длительное время не оказывала должного внимания проблеме доступности правосудия. Однако, с недавних пор, существенная часть документов ООН содержит в себе закрепление принципа доступности правосудия и права на доступ к суду.

На одном из официальных сайтов Организации отмечается, что ООН признаёт доступность правосудия как центральный и основной принцип права, а «деятельность Организации Объединённых Наций в поддержку усилий государств-членов по обеспечению доступа к правосудию является основным компонентом работы в области верховенства права» [16].

Что касается программных документов ООН, то тут мы можем привести несколько примеров актов, в которых раскрывается понимание и содержание идеи доступного правосудия.

Применительно к людям с ограниченными возможностями, ООН разработала программный документ под названием «Международные принципы и методические рекомендации по обеспечению доступа к правосудию для лиц с ограниченными возможностями». В указанном документе перечислены ряд принципов обеспечения доступа, среди которых, в том числе и доступ к информации, физический доступ, материальные и процессуальные гарантии, право на бесплатную или доступную юридическую помощь, эффективные и надёжные механизмы мониторинга качества, а также надлежащую квалификацию лиц, отправляющих правосудие [99]. Всё это в существенной степени охватывает систему факторов доступности правосудия, изложенную нами ранее в настоящей работе.

В «Повестке дня 2030», являющейся документом, отражающим планы Объединённых Наций по изменению мира, имеется Задача № 16, которая звучит как «Содействовать мирным и инклюзивным обществам для устойчивого развития, обеспечивать доступ к правосудию для всех и создавать эффективные, подотчетные и инклюзивные институты на всех уровнях» [107].

Эта задача подразумевает содействие со стороны ООН реализации принципа доступности правосудия во всех странах-участницах Организации. Отметим, что ООН включает в доступность правосудия все изложенные нами факторы доступности правосудия, в том числе и факторы доступности правосудия субъективного характера [107].

В рекомендательных директивах ООН также обнаруживаются положения о доступном правосудии. Так, в Замечаниях общего порядка № 32 Комитета Организации Объединённых Наций по правам человека по ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах указано, что «невыполнение государством-участником обязательства по обеспечению доступа к такому суду в конкретных случаях представляло бы собой нарушение статьи 14, если такие ограничения не основывались бы на внутреннем законодательстве, не были необходимыми для преследования таких законных целей, как надлежащее отправление правосудия, или основывались на исключениях из юрисдикции, проистекающих из международного права, таких, как, например, иммунитеты, или если бы возможности доступа отдельного лица были бы ограничены в такой степени, что это подрывало бы само существование этого права» [20]. Отметим, что подобная формулировка соответствует нашим взглядам о том, что должны отсутствовать необоснованные и неправомерные препятствия для доступа граждан к механизмам правосудия.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что на международном уровне принцип доступности правосудия занимает центральную позицию в числе принципов права, поскольку обеспечивает саму возможность

правосудия и защиты прав, свобод и законных интересов. Интересной является позиция международных судов, которые, не имея возможности дать конкретный перечень, например, процессуальных факторов доступности правосудия в силу чрезвычайной дифференциации правил судебных процессов в разных государствах, разрабатывают оценочные критерии, исходя из «чувства судебной справедливости», возлагая на судей ответственность за определение фактов ограничения доступа к правосудию в каждом конкретном случае на основе внутренней убеждённости о ценностях права и справедливости. Полагаем, такая позиция могла бы быть перенята и закреплена в действующем законодательстве как один из критериев доступности правосудия.

Ранее в работе мы предлагали формулировки правовых норм, закрепляющих принцип доступности правосудия в гражданском и арбитражном процессе в Российской Федерации. Закрепление критериев доступности может выглядеть следующим образом:

«Ограничения доступа к правосудию, выраженное в действиях (бездействии) и решениях суда и иных органов государственной власти, преднамеренных или нет, нарушающих основополагающие правовые ценности и препятствующих установлению справедливости, не допускаются».

Такая гибкая формулировка позволит не менее гибко применять её для оценки тех или иных фактов и обстоятельств, что, по мнению гипотетического заявителя, повлияли на его доступ к суду.

Перейдём к зарубежной практике.

Ранее мы уже упоминали чрезвычайно узкий взгляд Верховного Суда Республики Беларусь на доступность правосудия в контексте принципа гласности судопроизводства и только в доступности для заинтересованных лиц информации о деятельности судов [39]. Полагаем, это слишком недостаточное понимание принципа доступности правосудия.

Тем не менее, считаем, что такой отдельный взгляд не может свидетельствовать о понимании доступности в целом именно таким образом. В ст. 21 Конституции Республики Беларусь закрепляется право каждого гражданина на защиту его прав и соответствующие государственные гарантии. В ст. 60 того же акта указывается, что «каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки [28].

Иная практика Верховного Суда Республики Беларусь разъясняет более подробно право на доступ к суду: «предоставленное ст. 6 Гражданского процессуального кодекса каждому заинтересованному лицу право на обращение в установленном порядке в суд является реализацией конституционной гарантии защиты прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом» [45], «обеспечение права граждан и организаций на судебную защиту и поддержание высокого уровня культуры судебной деятельности выступают важными условиями реализации закрепленного статьей 60 Конституции Республики Беларусь принципа защиты прав и свобод личности компетентным, независимым и беспристрастным судом и надлежащего выполнения задач, определенных судам общей юрисдикции Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей» [40]. Резюмируя, мы видим, что судебная практика и разъяснения высших судов Республики Беларусь, хоть и не называют рассматриваемую концепцию напрямую принципом доступности правосудия, не описывают должным образом содержание и пределы такой доступности, тем не менее, утверждать о том, что в практике Республики Беларусь такая концепция отсутствует либо крайне ограничена, мы не вправе.

Что касается Республики Казахстан, то тут мы должны отметить, что последние реформы, проведенные в этом государстве, существенно содействовали увеличению степени доступности правосудия.

К примеру, новый Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан, предусматривает процессуальные нормы и правила о запрете на злоупотребление процессуальными правами, предварительных судебных разбирательствах, аудио- и видеопротоколировании судебных процессов, а также альтернативных способах разрешения возникших конфликтов [13]. Как отмечает Б. Бегалиев, председатель апелляционной судебной коллегии по гражданским и административным делам Западно-Казахстанского областного суда, новый кодекс «предусматривает повышение доступности правосудия, упрощение и ускорение судопроизводства, использование современных информационных технологий и широкое применение примирительных процедур», что, в конечном итоге, содействует повышению процессуальной доступности правосудия, которая, как он утверждает, «одно из серьезнейших достижений цивилизации, основополагающее благо, позволяющее обеспечивать реализацию судебной защиты прав и свобод граждан» [7].

Развитие информационных систем в Казахстане также содействует доступности правосудия. Вот, как описывает один из авторов текущее положение дел в этой сфере в Республике Казахстан: «на современном этапе развития судебной системы большое значение придается использованию в судах современных информационных технологий. Результатом начатого много лет назад внедрения в суды Казахстана стала эффективная Единая информационно-аналитическая система судебных органов, посредством которой автоматизированы все основные процессы в судах. Активно используются сервисы по приему электронных исков, заявлений о выдаче протокола судебного заседания, замечаний на протокол, единой системы документооборота с государственными органами, электронное извещение участников судебных разбирательств, аудио-, видеозапись судебных разбирательств. Все эти внедрения способствуют более продуктивной работе судов и доступности к правосудию» [12, с. 86].

Что касается судебной практики в Республике Казахстан в контексте понимания и защиты принципа доступности правосудия, то она во многом аналогична отечественной и белорусской практикам.

Практика обеспечения доступности правосудия в странах Европейского союза весьма и весьма обширна. К примеру, Хорватия в попытках привести свою судебную систему в соответствие передовым правовым принципам проводила длительные реформы на протяжении 40 лет. Для понимания – один из ключевых актов в сфере правосудия, «Закон о судах» 1993 года менялся каждый год с 2000 вплоть до 2013 года, когда был заменён другим аналогичным актом. Тот, в свою очередь, также был заменён в 2015 году на новый «Закон о судах», действующий до сих пор [90]. Всё это, конечно в итоге, привело к существенному увеличению доступности правосудия сегодня: по сравнению с дореформенным периодом, хорватские суды сократили количество нерассмотренных дел и общую продолжительность судебного процесса, увеличили количество и качество оказываемой правовой помощи, развили механизмы альтернативного урегулирования споров, увеличили информационную доступность и прозрачность судебной системы, создали рациональную систему судебных и прокурорских органов [90].

В Греции ситуация с доступностью правосудия находится в критическом положении. После кризиса 2008 года существуют финансовые и институциональные препятствия для осуществления права на доступ к правосудию. Недостаток квалифицированных кадров, низкое финансирование судебной системы привели к катастрофической загруженности судов. В определённые годы продуктивность судебной системы снижалась на долю до 10% по критерию количества рассмотренных дел. Для завершения кризиса греческое правительство предпринимает ряд мер, включающих в себя большую цифровизацию судебной системы, ускорение сроков судопроизводства, упрощение и ускорение производства в первой инстанции вплоть до знакомого нам «приказного» производства без

непосредственного участия сторон в судебном разбирательстве, распространение альтернативных механизмов разрешения судебных споров [90].

В 2017 году в Польше провозгласили о предстоящей судебной реформе, одной из задач которой стало повышение уровня доверия к судебной системе и увеличение доступности правосудия. Интересно, что именно об этом мы говорили, когда рассуждали о субъективных факторах доступности правосудия, утверждая о взаимосвязи названных явлений. Тем не менее, Польша попыталась решить эту проблему не совсем правомерным путём, устанавливая зависимость судей от министра юстиции, которому хотела предоставить право, например, снимать судей с должности. После массовых протестов против реформы, уведомления со стороны Европейской комиссии о недопустимости вмешательства в деятельность судов, а также возбуждения дела о нарушении европейского законодательства польскими властями президентом Польши были наложены вето на законопроекты о реформе судебной системы республики [90].

В дальнейшем были внесены и приняты законопроекты, увеличивающие прозрачность и независимость судебной системы Польши, что, безусловно, сказалось на уровне доступности правосудия в этой стране. Также отметим, что в Польше существуют, развиваются и продвигаются правительством альтернативные методы разрешения споров [90].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в европейских государствах рассматриваются различные составляющие, что могут оказать влияние на реализацию принципа доступности правосудия. Отдельно можно отметить, что альтернативные методы разрешения споров являются одним из важнейших механизмов в странах Европейского союза, повышающих степень доступности правосудия, поскольку позволяют избежать процедурных ограничений судопроизводства, высоких расходов на судебные разбирательства, а также в кратчайшие сроки разрешить возникший между сторонами правовой конфликт [90].

Правовая система Соединённого королевства характерна тем, что включает в себя отдельный нормативный акт, посвящённый доступности правосудия в этой стране, который так и называется – «Закон о доступе к правосудию». Указанный акт был принят парламентом в 1999 году и остаётся актуальным с некоторыми изменениями по сей день.

В данном акте рассматриваются следующие вопросы: общественная юридическая служба и бесплатная юридическая помощь, возможность заключения между стороной и её представителем соглашений об условном гонораре и условном вознаграждении (зависящем от результата рассмотрения дела в суде), взыскание юридических расходов, лимиты на государственные пошлины, структура судебной системы в контексте права на обжалование, сроки судебных процедур и вопросы их отложения и многие другие [83]. Как видим, в данном акте затрагиваются лишь процедурные, процессуальные и материальные вопросы доступности правосудия.

Впрочем, такая ситуация не удивительна, ведь, как мы рассмотрели в предыдущем параграфе, именно в данных аспектах в Соединённом королевстве присутствуют проблемы, связанные с доступом их граждан к механизмам судебной защиты.

В целом, мы можем сделать вывод, что в контексте практики рассматриваются те вопросы и составляющие права на доступ к суду, с которыми связаны существующие в той или иной стране проблемы. Отсутствие физического доступа в суды в Греции в связи с загруженностью и недостатком финансирования? Развиваются цифровизация судопроизводства и альтернативные методы разрешения споров. Защищать свои права, свободы и законные интересы в судах Великобритании долго и дорого? Принимается акт о бесплатной юридической помощи, отсрочке оплаты гонорара представителю и сроках судебных процедур. Таким образом, практика всегда следует именно той составляющей доступностью, с которой связаны наиболее существенные проблемы.

Подводя итог настоящей главе, озвучим основные выводы, полученные нами в ходе исследования доступности правосудия в зарубежных государствах и на международном уровне.

Правовая теория во всех государствах, рассмотренных нами, признаёт право каждого на доступ к механизмам судебной защиты. Не все доктрины выделяют концепцию доступности правосудия в отдельный и самостоятельный принцип, но все они провозглашают существенное значение доступности правосудия для защиты прав, свобод и законных интересов.

Те доктрины, в рамках которых концепция доступного правосудия рассматривается как один из правовых принципов, утверждают о центральном положении этого принципа. На самом деле, если исключить независимость судей, то по большей части дел, на решения по которым не оказывается влияние извне, возможно принятие справедливого и обоснованного решения. Если исключить гласность, то правосудие остаётся правосудием, хоть за ним и тяжело будет следить. Например, по ряду категорий дел в современной России предусмотрен закрытый порядок рассмотрения, что, очевидно, само по себе не влияет на правосудие. А, вот, исключив доступность, мы исключаем само правосудие. Даже идеально выстроенная судебная система с грамотно продуманными процессуальными правилами и компетентным профессиональным составом не будет иметь никакого значения и никакой ценности, если не будет возможности использовать её механизмы.

Можем отметить то, что существует крайне малое количество исследований, комплексно рассматривающих вопрос доступности правосудия. По очевидным причинам, большинство исследований посвящено отдельным аспектам доступности, что не позволяет выстроить полную и органичную картину рассматриваемого явления. Те же исследования, что мы смогли обнаружить, не дают системного и всеобъемлющего подхода к исследованию факторов доступности правосудия.

Тем не менее, по отдельности исследования охватывают все возможные факторы доступности правосудия, включая и субъективные. Особое внимание субъективным факторам доступности правосудия уделяется в странах условного «западного мира», в то время, как, например, Беларусь и Казахстан в ещё меньшей степени, чем Россия, рассматривают подобный вопрос в рамках своей правовой теории.

Что касается практики реализации и обеспечения идеи доступности правосудия за рубежом и на международном уровне, отметим следующее.

На международном уровне, в ООН, международных судах и прочих организациях, значительное внимание сегодня уделяется всем аспектам доступности правосудия. Провозглашается, что доступность правосудия – гарант самого правосудия и гарант защиты прав, свобод и законных интересов. Международные суды, в частности, арбитражные, выработали универсальные подходы для оценки доступности правосудия с учётом дифферентного характера процессуальных правил в разных государствах. Заимствуя подобный подход, предлагаем закрепить эти критерии, наравне с самим принципом доступности правосудия, в действующем законодательстве Российской Федерации со следующей формулировкой:

«Ограничения доступа к правосудию, выраженное в действиях (бездействии) и решениях суда и иных органов государственной власти, преднамеренных или нет, нарушающих основополагающие правовые ценности и препятствующих установлению справедливости, не допускаются».

На национальном уровне в зарубежных государствах практика уделяет особое внимание тем аспектам доступности правосудия, с которыми связаны существующие в этих государствах проблемы. Решая именно конкретные проблемы государственная власть в тех или иных странах, если можно так выразиться, «описывает» доступность по-своему. Если в стране наблюдается финансовая сложность обратиться за механизмами судебной защиты, то нормативный акт о доступности правосудия в этой стране будет уделять

особое внимание именно этой проблеме. Тем не менее, это не означает, что, руководствуясь этим актом, мы можем сделать вывод о понимании в этом правовом порядке под доступностью правосудия исключительно аспектов финансового характера. Просто именно эта составляющая доступности является наиболее актуальной для данного государства.

Можно сделать вывод, что с недавних пор, а именно с семидесятых-восьмидесятых годов прошлого столетия, доступность правосудия заняла центральное место как правовой теории, так и в практике за рубежом на всех уровнях, поскольку считается, что доступность правосудия – одна из важнейших фундаментальных идей и ценностей современного права.

Глава 3 Перспективы развития законодательства РФ в контексте увеличения доступности правосудия в гражданском судопроизводстве и судопроизводстве в арбитражных судах

3.1 Проблемы доступности правосудия

Для оценки ситуации с доступностью правосудия в Российской Федерации, выявлению и анализу проблем доступности правосудия, а также разработки предложений по их устранению в рамках настоящей главы мы будем использовать ранее изложенную в работе классификацию факторов доступности правосудия как некую «дорожную карту» нашего исследования. Несомненно, вопрос проблем доступности правосудия в Российской Федерации крайне обширен и не может быть всеобъемлюще рассмотрен в рамках одного параграфа настоящей работы, таким образом, мы остановим своё внимание лишь на самых значимых, с нашей точки зрения, проблемах доступности правосудия в Российской Федерации.

Первым блоком проблем доступности правосудия являются проблемы объективного характера, связанные с правовым регулированием и институциональным устройством судебной системы Российской Федерации. Одной из групп правовых факторов доступности правосудия являются процессуальные факторы.

Примером процессуальной проблемы доступности правосудия может выступить существующее в настоящее время ограничение на возможность одновременной модификации либо основания, либо предмета иска, изложенное и в Гражданском, и в Арбитражном процессуальных кодексах.

Как мы отмечали ранее в одной из работ, «подобные ограничения связаны с тем, что в результате модификации предмета и основания возникает, по сути, совершенно иной иск – замена одного иска другим, защищающим иной интерес. Также, ограничение направлено против злоупотребления правом и злонамеренного затягивания судебного процесса

и, несомненно, направлено на защиту интересов ответчика, уверенного в сложившихся нормативных условиях, что иск будет рассмотрен в том виде, в котором он заявлен истцом. Но все перечисленные позитивные последствия ограничения одновременной модификации и предмета, и основания недостижимы на данный момент времени» [25, с. 34].

Если в рамках рассмотрения какого-либо дела возникла необходимость в целях достижения первоначального правового интереса изменить одновременно и предмет, и основание иска, то законодатель поставил истца в ситуацию необходимости подачи ещё одного иска, что может привести к ситуации возникновения конкурирующих между собой судебных решений [47], что уже само по себе говорит о недостижении целей правосудия и, соответственно, его недоступности. Тем не менее, существуют и иные направления влияния этой проблемы на доступность правосудия.

Важно указать, что и изложенный запрет на модификацию лишь предмета или основания иска является практически во всех случаях неисполнимым. К примеру, «истец, взыскивающий с ответчика плату за хранение имущества ответчика, увеличивает размер исковых требований, требуя взыскать плату за период рассмотрения дела в суде, то тем самым он меняет и основание, и предмет иска. Новым основанием иска будет неуплата ответчиком платы за хранение в период рассмотрения дела в суде, что не указывалось в первоначальных основаниях иска. Новым предметом будет являться плата за хранение за указанный период» [52, с. 380].

Как непосредственную иллюстрацию проблемы можно назвать решение Центрального районного суда г. Тольятти от 30 августа 2019 г. по делу № 2-4029/2019. В рамках изначально заявленных требований истец просил суд расторгнуть договор купли-продажи товара, поскольку ответчик передал ему товар, характеризующийся наличием явных и неустранимых дефектов. В рамках судебного разбирательства иск подвергся всесторонней модификации, в пределах которой в предмет иска вошли требования истца о взыскании неустойки, морального вреда, издержек и «потребительского»

штрафа. Помимо прочего, полагаем очевидным, что и основание первоначально заявленного иска также было модифицировано: оно включило в себя нарушение ответчиком условий заключённого договора купли-продажи, факт причинения им истцу морального вреда, появление факта понесённых истцом судебных издержек и неисполнение ответчиком требований законодательства о защите прав потребителей в контексте неисполнения им в добровольном порядке требований истца [62].

Удивителен тот факт, что в ходе анализа текущей судебной практики нами было выявлено решение Центрального районного суда г. Тюмени от 22 августа 2019 ода по делу № 2-7127/2019, в котором суд сказал следующую фразу: «В порядке ст. 39 ГПК РФ, истец изменила основания и предмет иска...» [61]. Подобную формулировку нельзя назвать уникальной и разовым «выходом за рамки допустимого» (хоть, безусловно, она и идёт вразрез с положениями процессуального закона) в силу того, что она обнаруживается и в иных актах судебной практики [60]. Указанные акты свидетельствуют нам о том, что даже суды в полной мере осознают невозможность изменить только предмет или только основание иска в большинстве случаев [25].

Рассмотрим гипотетический кейс, в рамках которого заявлено требование о возврате вещи в натуре, но в рамках судебного разбирательства открывается факт того, что эта вещь была продана ответчиком. Заявитель в целях защиты своего права обладать возможностью модифицировать одновременно и предмет, и основание его иска для, к примеру, заявления требования о денежной компенсации стоимости вещи. Тем не менее, подобной возможностью он не обладает и суд по первоначально предъявленному иску будет вынужден вынести решение об отказе. Помимо прочего, на заявителя будут возложены все понесённые сторонами судебные издержки, так как он будет де-юре проигравшей стороной в разбирательстве. В подобном кейсе не только произошло весомое нарушение прав и законных интересов заявителя, но и в некоторой степени лишение его доступа к

правосудию. Заявитель будет вынужден подать новый иск в защиту своего права [25].

Необходимо сказать, что такие ограничения наносят вред и интересам правосудия, так как, как нами отмечалось ранее в настоящем параграфе, в результате отсутствия возможности модификации иска для достижения необходимого правового результата в рамках одного судебного разбирательства, и получения истцом отказа в удовлетворении заявленных требований по причине некорректного иска, он будет вынужден обратиться с новыми требованиями, а суд рассмотреть очередное дело, резюмируя, «по одному и тому же правовому спору возникает несколько судебных дел» [25, с. 38]. Это существенно усиливает нагрузку на судебные органы, поскольку фактор загруженности, как мы обсуждали ранее, также является одним из обстоятельств, влияющих на доступность правосудия.

Помимо прочего, в приведённом кейсе, если ответчик скроет от суда и сторон в рамках разбирательства факт реализации истребуемой в натуре заявителем вещи, то после вынесения решения в пользу истца, последний будет обладать возможностью заменить способ исполнения вынесенного решения в рамках исполнительного производства. Здесь мы вынуждены задать вопрос: по какой причине нет возможности дать заявителю права внесения изменений на стадии разбирательства, если они допустимы законодательством на стадии исполнения судебного решения?

Очередной процессуальной проблемой доступности правосудия может выступить проблема возможной неполноты судебного акта. Как говорил И.А. Приходько по этой проблеме, «Неисполнимость судебного акта, обусловленная неполнотой решения, делает весь судебный процесс бессодержательным, поскольку он не заканчивается защитой права. Суд не должен выносить заведомо неисполнимого решения, а если это все же произошло, то должен быть эффективный механизм устранения соответствующего дефекта решения, не связанный с его полной отменой и рассмотрением заново уже разрешённых судом требований» [52, с. 458].

Самые неприемлемые последствия заключены в неполноте решения суда по результатам рассмотрения им дела, жалобы или вопроса [52, с. 453].

Сегодня существуют условия, при исполнении которых суд обладает возможностью вынести дополнительное решение. Одно из таких условий указано в ст. 201 и в ст. 178 Гражданского и Арбитражного процессуального кодексов соответственно и заключается в том, что стороны должны предоставить в рамках судебного разбирательства доказательства по одному из требований, не разрешённых в рамках судебного процесса [4, 14]. В Гражданском процессуальном кодексе дополнительно устанавливается, что стороны должны дать объяснения по данному вопросу [14]. Из этого следует, что по тем вопросам, по которым не предоставлялись доказательства и объяснения, дополнительное решение вынесено быть не может.

Тем не менее, иногда в силу ошибки суда или иной причины, может быть вынесено неполноценное судебное решение. В качестве одного из примеров судебной практики можно привести решение по одному гражданскому делу, в котором было заявлено требование об устранении недостатков выполненных строительных работ со стороны ответчика. Требования были удовлетворены, однако без указания в судебном решении в соответствии с какими нормативными положениями должны быть проведены работы по устранению недостатков (требованиями к благоустройству). Как результат подобной оплошности со стороны суда, решение стало неисполнимым, так как ни заявители, ни сотрудники службы судебных приставов не смогли вынудить проигравшую сторону к исполнению поддержанных судом требований, поскольку не было возможности достоверно определить, что именно должен был сделать ответчик для исполнения решения суда. Как мы можем сделать вывод, в рамках настоящего разбирательства права заявителей не были защищены со стороны суда должным образом. В силу названных положений процессуального закона не было возможности вынести дополнительное решение, так как заявители не представляли доказательств и не давали объяснений в рамках

судебного разбирательства по нормативным документам, в соответствии с которыми должны были быть выполнены работы со стороны ответчика. Ситуация заставила заявителей обратиться в вышестоящую инстанцию с апелляционной жалобой для обжалования вынесенного неисполнимого судебного решения [3].

Как мы можем заметить здесь также был нанесён вред интересам правосудия, поскольку для разрешения проблемы дело было рассмотрено в апелляционном порядке, который значительно больше тратит ресурсов, чем механизм вынесения дополнительного решения, как суда, так и сторон данного гражданского дела.

Полагаем, что такая проблема может быть разрешена устранением строгих условий возможности вынесения дополнительного решения. Допустимым в данном случае условием для вынесения дополнительного решения могло бы быть прямое указание на возможность вынесения дополнительного решения в случае неисполнимости судебного акта вне зависимости от того, были ли предоставлены доказательства и объяснения по вопросу, необходимому к раскрытию для исполнения судебного решения.

Рассмотрим одну из институциональных проблем доступности.

Ещё в 2005 году профессор И.А. Приходько обозначил в качестве проблемы доступности правосудия в Российской Федерации ограничение на участие арбитражных заседателей в определённых категориях дел, изложенное в ст. 17 Арбитражного процессуального кодекса [4].

Он утверждал, что такие ограничения препятствуют участию независимых и квалифицированных арбитражных заседателей в ряде дел, где их участие необходимо для более справедливого и всестороннего рассмотрения. Также ограничения преследуют своей целью, как он утверждал, «отсечь» независимых арбитражных заседателей от ряда дел для более контролируемого судебного процесса [52, с. 131]. Таким образом, обеспечение возможности их участия является гарантией независимого суда

и обеспечения для заинтересованных лиц доступа к механизмам объективного, всестороннего и справедливого правосудия.

Ещё одной институциональной причиной возникновения препятствий доступа к правосудию выступает неукомплектованность достаточным количеством квалифицированных кадров и недостаточное количество судов, что вызывает проблемы, связанные с чрезвычайной загруженностью судебных органов. Это же вызывает затягивание срока рассмотрения дел и создаёт риски возникновения судебных ошибок, поскольку требуемая скорость работы судов несовместима с качественным выполнением ими задач по отправлению правосудия. Обратимся к статистике. Сайт Управления Судебного департамента по Самарской области содержит статистические данные о сроках рассмотрения дел районными судами Самарской области за 2017 год. К сожалению, это самые последние опубликованные на сегодняшний день данные. Из представленных сведений видно, что по сравнению с предыдущим годом районные суды в 2017 году с нарушением процессуальных сроков рассмотрели на 52,8% больше дел [73]. Данные свидетельствуют о возрастающем характере загруженности судов Самарской области. При этом, за последние годы не произошло значимых изменений в структуре и штате районных судов области, что позволяет нам сделать вывод о том, что подобная проблема существует по сей день.

«Решением данной проблемы может стать как увеличение числа судей, так и принятие мер по противодействию злоупотреблению правом по обращению в судебные органы, что и приводит в отдельных случаях к повышению уровня загруженности судов» [25].

Важной составляющей доступности правосудия является финансовая доступность. Вопросы финансирования судебной системы мы оставим на усмотрение парламента, рассмотрев проблему чрезмерности судебных расходов, что не позволяет гражданам обращаться в суд за защитой.

Согласно положениям ч. 1 ст. 88 и ст. 101 Гражданского и Арбитражного процессуального кодексов соответственно судебные расходы

включают в себя государственную пошлину и издержки, связанные с рассмотрением дела. Таким образом, проблему чрезмерности судебных расходов, как мы отмечали ранее в своих работах, надо понимать как совокупность проблем чрезмерности государственной пошлины и чрезмерности издержек по рассмотрению дела.

Авторы справедливо замечают, что государственная пошлина должна быть такого размера, чтобы её уплата могла способствовать эффективному рассмотрению дела через достаточное финансовое обеспечение судебной системы, что абсолютно необходимо для создания нормальных и удовлетворительных условий деятельности судебных органов [54].

«Но, при этом, можно абсолютно справедливо полагать, что вне зависимости от предназначения государственной пошлины, её размер должен оставаться в разумных пределах, а её уплата не должна создавать препятствий для обращения в судебные органы. Более того, поскольку государственная пошлина носит характер непостоянного и нестабильного дохода для бюджета, то её увеличение не принесёт существенной прибыли» [25].

Вопреки тому, что объёмы подлежащей уплате государственной пошлины в рамках подачи заявления в суд в суд в гражданском или арбитражном судопроизводствах, определённые в ст. 333.19 и ст. 333.21 Налогового кодекса РФ, не выступают, как мы считаем, слишком значительными, а льготы и послабления для отдельных лиц и организаций в некоторых случаях, предусмотренные в ст. 333.36 и ст. 333.37 того же кодекса [36], кажутся нам объективными и достаточными, есть некоторая, как мы полагаем, необходимость в изменении или даже упразднении обязательства по уплате государственных пошлин при обращении в суд, так как мы можем видеть факт существенной финансовой нагрузки, создающей препятствия для использования механизмов судебной защиты [25].

Например, в рамках подачи иска имущественного характера в деле спора о праве собственности на недвижимое имущество, стоимостью в

1.500.000 рублей, истец будет должен заплатить государственную пошлину в размере 15.700 рублей [36, п. 1 ч. 1 ст. 333.19], что, как мы полагаем очевидным, является существенной частью среднего месячного дохода подавляющего большинства граждан. Как видно из официальной статистики, в феврале 2022 года номинальная средняя заработная плата в Самарской области составила 40.807 рублей [65]. Безусловно, вынуждать терять более трети своего месячного дохода на уплату государственной пошлины, это значит ставить гражданина в крайне сложное материальное положение. Отметим, что помимо этого ему также необходимо оплатить услуги представителя. «Несомненно, что в числе исковых требований можно потребовать компенсацию судебных расходов, однако, возврат расходов произойдёт уже после рассмотрения дела по существу и лишь в случае удовлетворения данного требования судом, оплата же государственной пошлины необходима для инициирования судебного процесса, что, учитывая её размер, может стать существенной финансовой преградой в данном конкретном случае» [25, с. 19].

Ранее нами уже высказывалось предложение об устранении необходимости уплаты государственной пошлины при обращении в суд физических лиц в рамках гражданских дел. Одновременно с этим, учитывая охранительное предназначение государственной пошлины от возможных необоснованных исков, а также злоупотребления правом, предлагалась выработка защитных механизмов взамен государственной пошлины:

- «разработка мер гражданско-правовой ответственности в случае подачи ложных и объективно необоснованных исков с наличием у истца корыстных мотивов; в качестве санкции можно предложить судебный штраф, который в определённом законодателем соотношении будет делиться между государственным бюджетом и компенсационной выплатой ответчику;
- разработка мер гражданско-правовой ответственности в случае подачи иска при отсутствии стремления к получению судебной

защиты в ситуациях, когда истец заинтересован лишь в самом процессе, по причине наличия комплекса неполноценности, отсутствия к нему внимания или даже наличия психических отклонений (таких, как синдром сутяжничества – кверулянтство). В качестве санкции также можно назначить судебный штраф и, при наличии соответствующей необходимости, оплату судебно-психиатрической экспертизы для установления наличия упомянутых отклонений» [25, с. 20].

Что касается иной составляющей финансовой доступности правосудия, а именно проблемы чрезмерности судебных расходов, то необходимо отметить следующие моменты.

Нами был проведён анализ средней стоимости юридических услуг в Самарской области в соотношении с ранее озвученным размером среднего дохода граждан в Самарской области по состоянию на февраль 2022 года [65, 72]. Полученные данные представлены в Приложении Б к настоящей работе. Из этих данных следует, что расходы на юридические услуги занимают существенную часть от среднего дохода граждан (приведённого, отметим, до уплаты налогов). Минимальная стоимость полного комплекса юридических услуг, согласно данным с проанализированного нами интернет-портала, составляет 41,7% от средней заработной платы в Самарской области, что говорит нам о высокой стоимости юридических услуг в регионе. Даже если допустить наличие более выгодных предложений, 20-30% от месячного дохода по-прежнему, как мы считаем, являются значимой для граждан Самарской области денежной суммой.

Очевидно, что государство не в состоянии в условиях рыночной системы оказать влияние на процесс ценообразования в сфере юридических услуг, как и в любой иной, однако государство имеет возможность разработать механизмы, облегчающие финансовое бремя для граждан, сталкивающихся с необходимостью получить судебную защиту.

В ряде стран, включая страны постсоветского пространства, таких как Армения и Латвия, успешно функционирует институт страхования на случай необходимости уплаты судебных расходов. Механизмы этого института аналогичны, к примеру, институтам страхования медицинского или имущественного. Гражданин имеет возможность купить полис страхования, выплата по которому покрывает частично либо полностью его судебные расходы при наличии такой необходимости [66, с. 153-156]. Как мы считаем, такой инструмент поддержания финансовой доступности крайне актуален и во многом эффективен, что приводит нас к мысли о необходимости его заимствования и реализации в Российской Федерации [25].

Более того, существующих механизмов обеспечения бесплатной юридической помощью отдельных категорий граждан также недостаточно. К примеру, семьи и одинокие граждане с доходом, не превышающим прожиточный минимум, обладают правом на бесплатную юридическую помощь [43, ст. 1]. А что делать тем, чей доход, к примеру, на 100-200-300 рублей превысил прожиточный минимум? Да и сам минимум по состоянию на сегодняшний день в Самарской области составляет всего лишь 11 895,00 руб. на душу населения [42]. Очевидно, что гражданин с зарплатой выше прожиточного минимума в определённых пределах, учитывая в том числе и ранее изложенное, не имеет объективной возможности для финансового обеспечения себе доступа к механизмам судебной защиты.

Для защиты указанных граждан в контексте их доступа к механизмам правосудия требуется расширить список категорий граждан, обладающих правом на бесплатную юридическую помощь [25].

Перейдём к рассмотрению политических факторов доступности.

Отдельные авторы отмечают, что зависимость судебной системы от исполнительной власти проявляется в том числе и в определении последней лимитов финансирования и прочего материального обеспечения судов, организацией охраны суда и его работников и прочими организационными

факторами, что и обуславливают возможное давление со стороны исполнительной власти на органы судебной системы [52, с. 134].

Полагаем, что определённая логика в подобной позиции присутствует. Тем не менее, не считаем данную ситуацию проблемой в силу следующих обстоятельств. Во-первых, пределы финансирования судебной системы определяются не исполнительной ветвью власти, а законодательной, утверждающий бюджет и распределяющей бюджетные доходы по отдельным направлениям финансирования. Во-вторых, Судебный департамент, на который возложены обязательства по организационному обеспечению судопроизводства, подотчётен судейским сообществам, а его генеральный директор назначается на должность Председателем Верховного Суда Российской Федерации. Таким образом, в этом контексте влияние иных ветвей государственной власти на судебную минимально. Обеспечение же охраны, по нашему мнению, не является значимым фактором, способствующим снижению независимости судов.

Однако, политические факторы влияния на решения, принимаемые судами, тем не менее, присутствуют. Осуществляется это не столько возможностью гипотетического шантажа в контексте материального обеспечения, сколько иными рычагами воздействия. К примеру, возможностью направления представления Президентом РФ о снятии судей Конституционного и Верховного Суда с занимаемой ими должности, появившейся относительно недавно. Когда один и тот же человек вправе и назначить судью на должность, и инициировать отрешение, это не способствует независимости и в корне нарушает принцип системы сдержек и противовесов, фактически подчиняя судебную власть. Этот и прочие механизмы воздействия создают опасность использования их в целях влияния.

Впрочем, и до недавних изменений в отдельных, наиболее «щекотливых» для государственной власти и наиболее значимых делах прослеживались факты принятия неправомερных и несправедливых решений

в интересах государственной власти. Примером такого влияния может быть «Дело ЮКОСа». Как отметил Международный арбитраж в Гааге (Постоянная палата третейского суда), «государственный аппарат (России) ... обрушил всю свою мощь на ЮКОС и на его выгодоприобретателей, чтобы обанкротить ЮКОС и присвоить его активы и в то же время устранить с политической арены Михаила Ходорковского» [118].

Безусловно, это проблема, но проблема, что не может быть разрешена в рамках юридической науки. Эта проблема следует за становлением в Российской Федерации, как отмечали отдельные авторы-политологи до недавних пор (полагаем, что в последние месяцы ситуация несколько изменилась), гибридного авторитарного режима [109]. Очевидно, что для устранения этой проблемы необходимы преобразования политической системы государства. Только после этого будут возможны юридические преобразования и изменения в действующем законодательстве для недопущения возможности влияния и устранения существующих механизмов воздействия через восстановление системы сдержек и противовесов. Тем не менее, не упомянуть это невозможно, поскольку такая проблема напрямую оказывает влияние на доступность правосудия.

Как мы уже отмечали в начале настоящего параграфа, рассмотреть все проблемы доступности правосудия в рамках настоящей работы невозможно, поскольку не этому вопросу она посвящена. Тем не менее, самые значимые, на наш взгляд, факторы, препятствующие сегодня доступу к правосудию в Российской Федерации, нами были рассмотрены.

3.2 Системное развитие положений законодательства о принципе доступности правосудия

На завершающем этапе настоящего исследования рассмотрим вопрос модернизации законодательства Российской Федерации в целях закрепления и защиты принципа доступности правосудия.

Ранее мы уже озвучили ряд предложений о необходимости внесения изменений в Гражданский и Арбитражный процессуальный кодексы, закрепляющие положения о доступности правосудия, её пределах и конкретных государственных гарантиях доступности в процессуальное законодательство Российской Федерации.

В пункты 1 статей 3 и 4 Гражданского и Арбитражного процессуального кодексов мы предлагаем внести следующие абзацы:

«Государство гарантирует и обязуется обеспечивать свободный доступ к механизмам судебной защиты для заинтересованных лиц. Под свободным доступом понимается отсутствие необоснованных препятствий нормативного, информационного и институционального характера.

Ограничения доступа к правосудию, выраженное в действиях (бездействии) и решениях суда и иных органов государственной власти, преднамеренных или нет, нарушающих основополагающие правовые ценности и препятствующих установлению справедливости, не допускаются».

Подобные формулировки выполняют сразу несколько задач. Помимо указанного в этих нормах права заинтересованных лиц на обращение в суд, изложенного в весьма декларативной формулировке, они устанавливают обязанность государства обеспечить доступ этих лиц к правосудию и гарантии отсутствия препятствий доступа к правосудию.

Это может помочь, к примеру, при разрешении ряда проблем, изложенных нами ранее. Разрешая вопрос о возможности вынесения дополнительного решения в случае отсутствия доказательств и объяснений по определённым вопросам или же допуская одновременное изменение предмета или основания иска (если соответствующие нормы не будут изменены в контексте увеличения доступности) суд будет обладать возможностью сослаться на данное положение, чтобы защитить права и законные интересы заинтересованного лица, а также реализовать таким образом принцип доступности правосудия. В данном случае возникнет

коллизия между данной нормой, закрепляющей принцип доступности, и той, что доступности препятствует. Поскольку принципы права определяют систему построения норм права и обладают большим приоритетом [67], коллизия будет разрешена в пользу обеспечения доступного правосудия.

Указание на запрет ограничений, «нарушающих основополагающие правовые ценности и препятствующих установлению справедливости», позволит судам более гибко и точно применять норму о принципе доступности правосудия даже в тех ситуациях, когда не произошло откровенного нарушения норм материального и процессуального права, но сами действия либо бездействие привели к нарушению права на суд.

Гипотетическим примером такой ситуации может быть просьба стороны уведомить её о предстоящем разбирательстве посредством электронного письма либо же смс-сообщением. Пусть эта просьба изложена в ходатайстве об отложении судебного разбирательства в связи с объективной невозможностью принять в нём участие. При этом, суд вопреки просьбе стороны, направляет уведомление почтовой корреспонденцией по адресу регистрации или юридическому адресу. Произошло в данной ситуации нарушение норм процессуального права? Нет, не произошло. Но сторона не получила этого уведомления, не зря же она просила направить его иным способом. Не смогла принять участие в следующем разбирательстве. Доступ к правосудию был затруднён, несмотря на соблюдение всех норм права.

Таким образом, использование изложенной формулировки позволит гибко и эффективно защищать право на судебную защиту и принцип доступности правосудия в целом.

Что касается подзаконных актов в сфере развития судебной системы, то мы считаем, что необходимо использовать более конкретные формулировки целей и задач государственной власти. Как мы приводили ранее в настоящей работе, сегодня утверждается о необходимости повысить доступ к правосудию в различных федеральных целевых программах. Тем не

менее, Правительство, утвердившее данные программы, не раскрывает, каким образом необходимо повышать доступность правосудия и не указывает, в соответствии с какими критериями необходимо оценивать результаты исполнения программы.

В данном вопросе может помочь наша классификация факторов доступности правосудия, изложенная в Приложении А к настоящей работе. По каждой конкретной группе факторов необходимо провести анализ степени доступности и разработать детальные механизмы повышения доступности в данной сфере. К примеру, в сфере обеспечения доступности правосудия для граждан с ограниченными возможностями, конкретными направлениями деятельности может быть оборудование всех без исключения судов удобными пандусами, залами заседания на первом этаже в тех зданиях судов, где они расположены на втором этаже и выше, обеспечение возможности оперативного предоставления сурдопереводчика, наличие удобной инфраструктуры для граждан с проблемами со зрением, а также установка во всех судах инфраструктуры для возможности принятия дистанционного участия в судебном разбирательстве и иные. Соответственно, критерием доступности правосудия по данному вопросу будет соотношение судов, обеспеченных всем необходимым, включая инфраструктуру, позволяющим людям с ограниченными возможностями принимать участие в разбирательствах наравне с иными гражданами.

Подобный системный и всеобъемлющий подход позволит избежать ошибки многих государств, как мы выяснили ранее, сосредотачивающих своё внимание исключительно на очевидных для них и объективно существующих в их системах проблемах доступа к правосудию. Более того, он позволит упреждающе принимать профилактические меры задолго до возникновения тех или иных проблем в ходе анализа текущего состояния доступности по всем направлениям. К примеру, анализ динамики уровня загруженности судов в контексте доступности правосудия позволит заблаговременно увеличивать штат судов при появлении признаков

перегруженности. К сожалению, сегодня этот анализ и статистика приводятся, во многом, «для сведения» и не приводят к существенным изменениям в судебной системе.

Также рассмотрим вопросы внесения изменений в действующее законодательство в контексте решения конкретных проблем доступности правосудия, также рассмотренных нами ранее.

Для разрешения проблемы влияния пределов модификации иска на доступность правосудия необходимо дополнить пункты 1 статей 39 и 49 Гражданского и Арбитражного процессуальных кодексов абзацем следующего содержания: «Допускается принятие судом одновременного изменения основания и предмета иска при сохранении истцом первоначально заявленного правового интереса, если такое изменение необходимо для реализации его права на судебную защиту».

В целях соблюдения баланса интересов истца, ответчика и правосудия, полагаем необходимым ограничить возможные злоупотребления со стороны истца правом на одновременную модификацию и предмета, и основания иска. В качестве такого ограничения выступает «принятие судом» такой модификации или же отклонение в случае, если для суда очевидно, что такое ходатайство истца является следствием злоупотребления правом с его стороны, а также если такая модификация изменяет первоначально заявленный правовой интерес или права ответчика. Это может быть выражено, например, в предъявлении ограниченного количества требований с целью сокрытия в досудебной претензии подлинных намерений и воспрепятствования должной подготовке к судебному разбирательству со стороны ответчика. Таким образом, суд индивидуально в каждом конкретном случае будет рассматривать вопрос о возможности такой модификации.

Ранее в одном из исследований мы приводили ещё одну возможность решения данной проблемы – возможность предъявления альтернативных требований [25]. Сегодня данный вопрос окончательно разрешён со стороны Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил возможность

таких требований. Нижестоящие суды, в свою очередь, ставят ряд условий для предъявления таких требований: направленность обоих требований на достижение одного и того же правового интереса, их альтернативность – не одновременное удовлетворение, а также выгода для судопроизводства [26]. Полагаем, что такие условия вполне объективны, а сам механизм предъявления альтернативных требований способен решить названную нами проблему, хоть и не во всех случаях, а лишь тогда, когда заранее известны (на момент подачи иска) варианты развития событий.

Для решения проблемы неполноценности судебного акта, озвученной в предыдущем параграфе, предлагаем дополнить пункт 1 статей 201 и 178 Гражданского и Арбитражного процессуального кодексов соответственно абзацем следующего содержания: «4) судом вынесено неполное решение, исполнение которого невозможно».

Такая формулировка позволит избежать ранее рассмотренных ситуаций, когда суд выносит решение, не указав важные детали и особенности его исполнения, что ставит в затруднение как стороны, так и, к примеру, службу судебных приставов, без необходимости обжалования неполноценного решения в вышестоящей инстанции.

Повторим здесь предложение И.А. Приходько о необходимости устранения фразы «а также дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, и дела особого производства» из п. 3 ст. 17 Арбитражного процессуального кодекса, поскольку такое ограничение неоправданно и нарушает, в том числе, и интересы правосудия, поскольку не позволяет привлекать к рассмотрению означенных категорий дел квалифицированных и опытных арбитражных заседателей.

Наши предложения об устранении государственной пошлины для физических лиц по гражданским делам и создания иных механизмов сдерживания граждан от подачи необоснованных исков в суды полагаем дискуссионными. Несмотря на то, что мы в таком решении видим несомненную пользу в контексте обеспечения доступности правосудия, оно

может нанести существенный вред интересам правосудия. Такое решение требует отдельного и дополнительного осмысления и дискуссии авторов. Поэтому мы не станем приводить в рамках настоящего параграфа конкретных предложений по данному вопросу, лишь упомянем его как один из возможных путей решения проблемы финансовой доступности правосудия.

Иное решение проблемы финансовой доступности, а именно создание механизмов страхования на случай судебных издержек кажется нам оптимальным. Как мы отмечали ранее, «соответственно, необходимо внести изменения, определяющие возможность существования такого института в Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», а также необходима разработка отдельного нормативного акта, регулирующего правоотношения в рамках предлагаемого института страхования» [25, с. 50].

Также полагаем необходимым разработать более актуальную и эффективную категоризацию лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь. Текущая привязка к уровню дохода, не превышающего прожиточный минимум, по нашему мнению, не затрагивает существенного числа лиц, которые также нуждаются в бесплатной юридической помощи. Если сохранить такой подход к определению лиц, которым она может быть оказана, стоит повысить порог дохода, при котором гражданин будет иметь соответствующее право. Например, до уровня дохода, не превышающего двух-трёх прожиточных минимумов. При таком отборе граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, будет существенно расширено абсолютное число людей, способных её получить, что несомненно скажется на уровне финансовой доступности правосудия, хотя и потребует от государства существенных финансовых затрат.

В рамках настоящей главы нами рассмотрены отдельные проблемы доступности правосудия, которые, по нашему мнению, сегодня присутствуют в Российской Федерации. В их число вошли:

- проблема влияния пределов модификации иска;
- проблема неполноценных решений;
- проблема ограничения на участие арбитражных заседателей;
- проблема загруженности судов и сроков рассмотрения дел;
- проблема чрезмерности государственной пошлины;
- проблема чрезмерности судебных расходов.

Полагаем, что существование подобных проблем существенным образом влияет как на доступность правосудия в целом, так и на реализацию принципа доступности правосудия, в частности.

Мы проанализировали данные проблемы и предложили собственные либо со ссылками на других авторов возможные пути их разрешения для защиты права граждан и организаций на доступ к суду.

В целях модернизации и дальнейшего развития законодательства Российской Федерации в контексте обеспечения, определения и гарантий доступности правосудия в нашем государстве мы предложили ряд изменений в действующее законодательство.

Первое и самое главное изменение, которое необходимо сделать, это закрепить в отраслевых процессуальных кодексах принцип доступности правосудия, его содержание и государственные гарантии. Складывается довольно странная ситуация, когда общепризнанно один из фундаментальных принципов правосудия не отражён в законодательстве. Нами предложены конкретные формулировки правовых норм для исправления положения.

Нами предложено более системно и всеобъемлюще подходить к планированию развития судебной системы, отражая конкретные цели, задачи и критерии их исполнения в подзаконных актах, отражающих планы государства по развитию судебной системы. Также мы предложили использовать разработанную нами классификацию факторов доступности правосудия в качестве «дорожной карты» такого развития в контексте обеспечения доступности в Российской Федерации.

Помимо прочего, по рассмотренным нами проблемам доступности правосудия мы предложили конкретные изменения в законодательство Российской Федерации для их устранения.

Заключение

В рамках настоящего исследования проведён системный и всесторонний анализ как теоретического наполнения принципа доступности правосудия и связанных с ним явлений и категорий, так и практика его реализации как в Российской Федерации, так и в зарубежных государствах, и в деятельности международных (межправительственных) организаций.

Решены ряд теоретических проблем, озвученных нами ранее. Представлено полное определение принципа доступности правосудия, раскрывающее его правовую природу, содержание и место в системе принципов гражданского и арбитражного процессуального права, разработано определение факторов доступности правосудия как существенных обстоятельств, влияющих на практическую реализацию принципа доступности правосудия, а также представлена классификация данных факторов в качестве «дорожной карты» для дальнейшей практической деятельности в рамках увеличения доступности правосудия.

Проведён сравнительный анализ положений отечественной и зарубежной правовой доктрин на предмет сходств и различий в понимании правовой природы, содержания и места идеи доступного правосудия. Также была рассмотрена практика реализации и защиты принципа доступности правосудия в зарубежных государствах и деятельности международных (межправительственных) организаций в контексте возможности заимствования наиболее удачных и эффективных правовых механизмов.

Также нами исследованы проблемы доступности правосудия в Российской Федерации. Проанализированы источники данных проблем в действующем отечественном законодательстве и по каждой из них предложены соответствующие пути их устранения в целях обеспечения доступности правосудия в Российской Федерации.

Таким образом, полагаем, что цели и задачи, поставленные перед настоящим исследованием, достигнуты и выполнены нами в полном объёме.

Ряд авторских выводов представлены в разделе «Положения, выносимые на защиту» как наиболее важные и значимые достижения данного исследования, полезные как для правовой науки, так и для практики.

Полагаем, что идея доступного правосудия является одной из самых важных и определяющих для права в целом, поскольку отсутствие доступа к механизмам правовой защиты угрожает ценности права в целом. Необходим дальнейший анализ и постоянный мониторинг действующего законодательства на предмет наличия в нём норм, препятствующих для доступа к суду. Также считаем, что полученные нами выводы не окончательны, поскольку дальнейшее развитие личности, общества и государства, с которым нам безусловно придётся столкнуться уже в ближайшее время, внесёт определённые коррективы и в понимание доступности правосудия, в частности, и в понимании права, в целом.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Айрапетян Ю.В. Бесплатная юридическая помощь как фактор доступности правосудия в гражданском процессе Республики Армения / Ю.В. Айрапетян // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 1. – С. 10-17.
2. Апелляционное определение № 33-6945/2013 от 23 октября 2013 года по делу № 33-6945/2013 [Электронный ресурс] / Омский областной суд (Омская область) // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – Москва. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WtFD3a1cee1R/> (дата обращения 01.05.2022 г.).
3. Апелляционное определение № 33-415/2015 от 12 февраля 2015 года по делу № 33-415/2015 [Электронный ресурс] / Владимирский областной суд (Владимирская область) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mvh5mGNffGbp/> (дата обращения: 14.05.2022 г.).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (в ред. от 30.12.2021 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения 30.04.2022 г.).
5. Артёмова Д.И. Проблемы доступности правосудия в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 3 (7). – С. 44-48.
6. Баранов С.В.: Доступность правосудия как условие реализации конституционного права на судебную защиту в Российской Федерации: дис. канд. юр. наук: 12.00.02. – Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Москва, 2011. – 180 с.
7. Бегалиев Б. Повышая доступность правосудия [Электронный ресурс] / Б. Бегалиев // Интернет-портал «Законы, постановления, приказы, кодексы в РК». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35711153 (дата обращения 09.05.2022 г.).

8. Борисова В.Ф. Соотношение международных и национальных правовых категорий в сфере доступности правосудия / В.Ф. Борисова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. – 2016. – № 1. – С. 12-18.

9. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

10. Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации: учеб. пособие / С.А. Воронцов. – М.: Феникс, 2010. – 445 с.

11. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] // Организация объединённых наций: официальный сайт. – Нью-Йорк. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 30.04.2022 г.).

12. Голикова А.А. Доступность правосудия в Российской Федерации и в Республике Казахстан / А.А. Голикова // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 3 (28). – С. 85-87.

13. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК (в ред. от 10.01.2022 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения 09.05.2022 г.).

14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (в ред. от 16.04.2022 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 30.04.2022 г.).

15. Грицай О.В. Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции / О.В. Грицай,

Е.Н. Губина // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – № 5 (2). – С. 64-68.

16. Доступ к правосудию [Электронный ресурс] / Организация Объединённых Наций // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. – Нью-Йорк. – URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/thematic-areas/access-to-justice-and-rule-of-law-institutions/access-to-justice/> (дата обращения 08.05.2022 г.).

17. Доступность правосудия в Республике Казахстан // Экономика и право: актуальные проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции (7 октября 2011 года). – Караганда, 2011. – С. 379-382.

18. Журсимбаев С. Право на доступ к правосудию: проблемы и пути решения / С. Журсимбаев // IV Международные Фарабиевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции «Концептуальные направления развития судебной и правоохранительной системы: республиканский и международно-правовой опыт» (13 апреля 2017 года). – Алматы: Казахский Национальный Университет, 2017.

19. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе / С.К. Загайнова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.

20. Замечание общего порядка № 32. CCPR/C/GC/32. Международный пакт о гражданских и политических правах. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство [Электронный ресурс] / Комитет по правам человека ООН // Университет Миннесоты. Библиотека по правам человека. – Миннеаполис. – URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom32.html> (дата обращения 09.05.2022 г.).

21. Зеленский П.А. Развитие системы бесплатной юридической помощи в России: проблемы и перспективы / П.А. Зеленский // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19 – № 1. – С. 39-46.

22. Инганнаморте Л.А. К вопросу об оптимальных формах участия прокурора в гражданском процесса / Л.А. Инганнаморте // «Студенческие Дни науки в ТГУ»: научно-практическая конференция (Тольятти, 13 апреля – 29 мая 2020 года): сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2021. – 1 оптический диск.

23. Инганнаморте Л.А. К вопросу о доверенности на осуществление прав дееспособного пациента / Л.А. Инганнаморте // Тезисы докладов XLVIII Самарской областной студенческой научной конференции (11-22 апреля 2022 года). Часть II. Общественные и гуманитарные науки. – Самара, 2022.

24. Инганнаморте Л.А. Проблемы гражданского процесса: оптимальные формы участия прокурора / Л.А. Инганнаморте, Н.Ю. Ремиз // Законодательство. – 2021. – № 9. – С. 73-79.

25. Инганнаморте Л.А. Проблемы доступности правосудия: выпускная квалификационная работа бакалавра: 40.03.01. – Тольяттинский государственный университет, Тольятти, 2020. – 61 с.

26. Как заявить альтернативные исковые требования, чтобы суд их удовлетворил [Электронный ресурс] / Иван Катышев, Максим Колесников // Интернет-портал «Юрист компании. Практический журнал для юриста». – Москва. – URL: <https://e.law.ru/902203> (дата обращения 15.05.2022 г.).

27. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: с изменениями и дополнениями, вызванными Протоколами №№ 11, 14, 15, в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов №№ 4, 6, 7, 12, 13, 16: ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» [Электронный ресурс] // Европейский суд по правам человека: официальный сайт. – Страсбург. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения 30.04.2022 г.).

28. Конституция Республики Беларусь: принята 15 марта 1994 года ВС РБ с изменениями, одобренными в ходе республиканского референдума 27

февраля 2022 года [Электронный ресурс] // Президент РБ: официальный сайт. – Минск. – URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения 09.05.2022 г.).

29. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Конституция Российской Федерации». – Москва. – URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 30.04.2022 г.).

30. Коновалова Е.В. Основные препятствия в доступе к правосудию и осуществлению справедливого судебного разбирательства / Е.В. Коновалова // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2007. – № 6. – С. 203-206.

31. Кострова Н.М. К вопросу о доступности правосудия / Н.М. Кострова // Современное право. – 2015. – № 2. – С. 79-82.

32. Кузнецов А.П. Ограничения принципа доступности правосудия в ходе проводимой реформы процессуального законодательства Российской Федерации / А.П. Кузнецов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С. 268-270.

33. Мартыненко И.Э. Судостроительство и судопроизводство по хозяйственным спорам / И.Э. Мартыненко. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 599 с.

34. Медушевская Н.Ф. Междисциплинарность и синкретизм как основные интенции современной юридической науки / Н.Ф. Медушевская // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 128-132.

35. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс] // Организация объединённых наций: официальный сайт. – Нью-Йорк. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 30.04.2022 г.).

36. Налоговый кодекс РФ: Федеральный закон от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ (ред. от 01.05.2022) [Электронный ресурс] // Консультант плюс: справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 10.05.2022 г.).

37. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ (в ред. от 26.03.2022 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения 01.05.2022 г.).

38. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 601 [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – Москва. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35265> (дата обращения 30.04.2022 г.).

39. Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и распространении информации о деятельности судов: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 2013 года № 11 / Пленум Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь».

40. Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2016 года № 9 [Электронный ресурс] / Пленум Верховного Суда Республики Беларусь // Справочно-правовая система «ЭталонOnline». – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=S21600009> (дата обращения 09.05.2022 г.).

41. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суханова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части четвертой статьи 61 Основ законодательства Российской

Федерации об охране здоровья граждан: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2007 № 483-О-О / Конституционный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70548/ (дата обращения 01.05.2022 г.).

42. Об установлении величины прожиточного минимума в самарской области на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения на 2022 год: Постановление Правительства Самарской области от 10 декабря 2021 года № 979 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». – Москва. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/samara/1510319/> (дата обращения 14.05.2022 г.).

43. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения 01.05.2022 г.).

44. О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 г. № 596 [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – Москва. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260> (дата обращения 30.04.2022 г.).

45. О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 года № 7 [Электронный ресурс] / Пленум Верховного Суда Республики Беларусь // Справочно-правовая система «ЭталонOnline». – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=S20100007> (дата обращения 09.05.2022 г.).

46. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы»: Постановление Правительства Российской

Федерации от 27 декабря 2012 № 1406 (в ред. от 23.12.2021) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Москва. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/ (дата обращения 30.04.2022 г.).

47. Определение Арбитражного суда Красноярского края от 14 мая 2015 года по делу № А33-4900-35/2010 [Электронный ресурс] / Арбитражный суд Красноярского края // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/KA4ZybHG5AZu/> (дата обращения: 14.05.2022).

48. Понкин И.В. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 3 (37). – С. 249-259.

49. Постановление Европейского суда по правам человека от 21 февраля 1975 года по делу «Голдер (Golder) против Соединённого королевства», серия «А», № 18, § 45. [Электронный ресурс] // URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/golder-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 08.05.2022 г.).

50. Постановление Европейского суда по правам человека от 28.05.1985 по делу «Ашингдейн (Ashingdane) против Соединённого королевства», серия «А», № 93, § 44. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ». – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12077701/> (дата обращения: 08.05.2022 г.).

51. Приговор № 1-4/2020 22-1025/2020 от 7 августа 2020 года по делу № 1-4/2020 [Электронный ресурс] / Брянский областной суд (Брянская область) // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – Москва. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kA00N8NWB0Wv/> (дата обращения 01.05.2022 г.).

52. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы: дисс. д.ю.н.: 12.00.15. – Российская академия правосудия, Москва, 2005. – 408 с.

53. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы / И.А. Приходько. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005. – 670 с.

54. Пронина М.П. Проблема влияния чрезмерности судебных расходов на доступность правосудия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 109-113.

55. Резник Е.С. Бесплатная юридическая помощь: актуальные вопросы доступности и качества / Е.С. Резник // Право и политика. – 2018. – № 9. – С. 43-58.

56. Решение № 2-3795/2013 2-3795/2013~М-3540/2013 М-3540/2013 от 20 августа 2013 года [Электронный ресурс] / Центральный районный суд г. Омска (Омская область) // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – Москва. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MaERhBuFWogT/> (дата обращения 01.05.2022 г.).

57. Решение № 2-1535/2014 2-1535/2014~М-1501/2014 М-1501/2014 от 24 октября 2014 года [Электронный ресурс] / Мирнинский районный суд (Республика Саха (Якутия)) // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – Москва. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J8ThqSTt0yVI/> (дата обращения 01.05.2022 г.).

58. Решение № 12-612/2019 от 7 мая 2019 года по делу № 12-612/2019 [Электронный ресурс] / Благовещенский городской суд (Амурская область) // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – Москва. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Jmgrp6h91sg1r/> (дата обращения 01.05.2022 г.).

59. Решение № 12-661/2019 от 7 мая 2019 года по делу № 12-661/2019 [Электронный ресурс] / Благовещенский городской суд (Амурская область) // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». – Москва. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7EYjnFWLIVoJ/> (дата обращения 01.05.2022 г.).

60. Решение № 2-1161/2019 2-1161/2019~М-1061/2019 М-1061/2019 от 22 августа 2019 года по делу № 2-1161/2019 [Электронный ресурс] / Пролетарский районный суд г. Твери (Тверская область) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vmFOOJC2dlrw/> (дата обращения: 14.05.2022 г.).

61. Решение № 2-7127/2019 2-7127/2019~М-5992/2019 М-5992/2019 от 22 августа 2019 года по делу № 2-7127/2019 [Электронный ресурс] / Центральный районный суд г. Тюмени (Тюменская область) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JeffvkRtm1rv/> (дата обращения: 14.05.2022 г.).

62. Решение № 2-4029/2019 2-4029/2019~М-3335/2019 М-3335/2019 от 30 августа 2019 года по делу № 2-4029/2019 [Электронный ресурс] / Центральный районный суд г. Тольятти (Самарская область) // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XDI2IyzX5bNs/> (дата обращения: 14.05.2022 г.).

63. Розахунова Р.Р. Право граждан на судебную защиту: правовая природа и проблемы реализации / Р.Р. Розахунова, Т.Т. Исаева // Символ науки: международный научный журнал. – 2016. – № 6-2. – С. 92-95.

64. Рыжкова А.А. Проблемы реализации принципа доступности правосудия / А.А. Рыжкова // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44). – С. 233-241.

65. Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат): официальный сайт. – Москва. – URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 10.05.2022 г.).

66. Савинова А.В. Судебные расходы как препятствие к осуществлению принципа доступности правосудия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4-3. – С. 153-156.

67. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании / А.С. Сидоркин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 4. – С. 5-12.

68. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: семантика, норма, функция / Ю.В. Сложеникина. – М.: ЛКИ, 2010. – 288 с.

69. Скоробогатов А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 308-315.

70. Семёнов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства / В.М. Семёнов. – М.: Юрид. лит., 1982. – 152 с.

71. Сорокун П.В. Реализация прав граждан на получение бесплатной юридической помощи / П.В. Сорокун, К.В. Турукина // Эпоха науки. – 2018. – № 16. – С. 59-62.

72. Средняя стоимость услуг юристов и адвокатов в регионе: Самарская область [Электронный ресурс] / Редакция Интернет-портала «Праворуб» // Интернет-портал «Праворуб». – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://pravorub.ru/users/stat/prices/4891/> (дата обращения: 14.05.2022).

73. Статистические показатели деятельности федеральных судов Самарской области [Электронный ресурс] // Управление судебного департамента в Самарской области: официальный сайт. – Самара. – URL: <http://usd.sam.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=10> (дата обращения: 10.05.2022 г.).

74. Стародубова Л.В. Влияние факторов доверия к судебной системе и проявлений правового нигилизма на доступность правосудия / Л.В. Стародубова, Л.А. Инганнаморте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 3 (42). – С. 43-48.

75. Стародубова Л.В. Факторы доступности правосудия: определение и классификация / Л.В. Стародубова, Л.А. Инганнаморте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4 (43). – С. 29-34.

76. Сырых В.М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя / В.М. Сырых. – М.: РАП, 2012. – 499 с.

77. Фактор [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов // Интернет-портал «Толковый словарь русского языка». – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33656> (дата обращения 30.04.2022 г.).

78. Филипчик Р.И. Конституционное право граждан на судебную защиту в Республике Беларусь: дисс. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2008.

79. Фокин Е.А. Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. – 2018. – № 12 (264). – С. 120-129.

80. Фролова Н.А. Доступность к правосудию в российском обществе: проблемы и противоречия / Н.А. Фролова, И.М. Псарёв // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – № 1. – С. 180-188.

81. Шадже А.М. Актуальные вопросы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации / А.М. Шадже, С.Г. Дзыбова, А.А. Новиченко // Colloquium-journal. – 2019. – № 3 (31). – С. 95-98.

82. Ярмоц Е.Н. Понятие и гарантии обеспечения доступа к правосудию / Е.Н. Ярмоц // Право и демократия: сборник научных трудов. Выпуск 27. / Белорусский государственный университет; редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) и др. – Минск: БГУ, 2016. – С. 285-295.

83. Access to Justice Act 1999: Act of the Parliament of the United Kingdom dated 27 July 1999 / Parliament of the United Kingdom / UK Legislation: official site. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/22/contents> (date of access 09.05.2022).

84. Access to justice under threat in UK, says Supreme Court judge // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/law/2018/sep/26/legal-aid-access->

to-justice-under-threat-in-uk-says-supreme-court-judge (date of access: 03.05.2022).

85. Access to Justice: Practice Note dated September the 3rd, 2004 // United Nations Development Programme: official site. – New-York. – URL: https://www.undp.org/content/dam/aplaws/publication/en/publications/democratic-governance/dg-publications-for-website/access-to-justice-practice-note/Justice_PN_En.pdf/ (date of access 02.05.2022).

86. Bass J. Access to Justice for a new century: The way forward / J. Bass, W.A. Bogart, F.H. Zemans. – York: The law society of Upper Canada, 2005. – 265 p.

87. Brito T.L. The right to civil counsel / T.L. Brito // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman, R.L. Sandefur. – Cambridge, Massachusetts: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 56-63.

88. Bryant G.G. Access to Justice: The newest wave in the worldwide movement to make rights effective / G.G. Bryant, M. Cappelletti // University of Indiana. – Bloomington. – URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2140&context=facpub> (date of access 03.05.2022).

89. Caplan L. The invisible Justice Problem / L. Caplan // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman, R.L. Sandefur. – Cambridge, Massachusetts: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 19-29.

90. Effective access to Justice. Study for the Peti Committee / Directorate-General for Internal policies. Policy Department “C”: Citizens’ rights and constitutional affairs // European Parliament: official site. – Strasbourg. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/596818/IPOL_STU\(2017\)596818_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/596818/IPOL_STU(2017)596818_EN.pdf) (date of access 09.05.2022).

91. Flynn E. Disabled Justice? Access to Justice and the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. – London: Routledge, 2017. – 192 p.

92. Frank Robert H. How rising income inequality threatens Access to the Legal System / Robert H. Frank // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman,

R.L. Sandefur. – Cambridge, Massachusetts: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 10-18.

93. Gerardz J.H. Access to justice in the European Convention on Human Rights system / J.H. Gerardz, L.R. Glas // Netherlands Quarterly of Human Rights. – 2017. – № 35 (1). – P. 11-30.

94. Gordon R. Lawyers, the Legal Profession & Access to Justice in the United States: A Brief History / R. Gordon // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman, R.L. Sandefur. – Cambridge, Massachusetts: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 177-189.

95. Grotrian A. Article 6 of the European Convention of Human Rights: The Right to a Fair Trial (Human Rights) / A. Grotrian. – Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1994. – 46 p.

96. Gutterman A.S. What is access to Justice? / Project: Older Persons' Rights, February 2022 // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/359033682_What_is_Access_to_Justice (date of access 03.05.2022).

97. Hualing F. Access to Justice and Constitutionalism in China / F. Hualing // Building constitutionalism in China / ed. S. Balme, M.W. Dowdle. – Cham: SpringerLink, 2009. – 325 p.

98. Hualing F. Access to Justice in China: potential, limits, and alternative / F. Hualing // SSRN (Social Science Research Network). – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1474073 (date of access 08.05.2022).

99. International principles and guidelines on access to Justice for persons with disabilities / United Nation Human Rights Special Procedures // United Nation. – New-York. – URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/wp-content/uploads/sites/15/2020/10/Access-to-Justice-EN.pdf> (date of access 08.05.2022).

100. Lion Mexico Consolidated LP v. United Mexican States: Award in case ARB (AF)/15/2 / International Centre for Settlement of Investment Disputes // URL: <https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2021/11/Denial-of-Justice-in-International-Arbitration.pdf> (date of access 08.05.2022).

101. Maultzsch F. The Right to Access to Justice and Public Responsibilities - National Report: Germany / F. Maultzsch // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/315490782_The_Right_to_Access_to_Justice_and_Public_Responsibilities_-_National_Report_Germany (date of access 08.05.2022).

102. Mondev International Ltd. v. the United States of America: Award in case ARB (AF)/99/2 / International Centre for Settlement of Investment Disputes // URL: <https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2021/11/Mondev.pdf> (date of access 09.05.2022).

103. The landscape of civil litigation in state courts / P. Hannaford-Agor, S. Graves, S.S. Miller // National Center for State Courts. – Williamsburg. – URL: https://www.ncsc.org/__data/assets/pdf_file/0020/13376/civiljusticereport-2015.pdf (date of access 03.05.2022).

104. The Loewen Group, Inc. and Raymond L. Loewen v. the United States of America: Award in case ARB (AF)/98/3 / International Centre for Settlement of Investment Disputes // URL: <https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2021/11/Loewen.pdf> (date of access 09.05.2022).

105. Modification of the claim: limits and their impact on the availability of justice in the Russian Federation / L.V. Starodubova, L.A. Ingannamorte, I.V. Mashtakov, O.S. Lapshina, G.N. Kodirzoda // SHS WEB OF CONFERENCES. Vol. 118: RUDN Conference on Legal Theory, Methodology and Regulatory Practice (RUDN LTMRP Conference 2021) / ed. G.I. Muromtsev, S.B. Zinkovsky. – Les Ulis: EDP Sciences, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202111804005> (date of access 01.05.2022).

106. Pleasence P. Justice & the Capability to Function in Society / P. Pleasence, N.J. Balmer // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman, R.L.

Sandefur. – Cambridge, Massachusetts: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 140-149.

107. Promote peaceful and inclusive societies for sustainable development, provide access to justice for all and build effective, accountable and inclusive institutions at all levels: Task 16 of Agenda 2030 / Department of Economic and Social Affairs, United Nations // Department of Economic and Social Affairs: official site. – New-York. – URL: <https://sdgs.un.org/goals/goal16> (date of access 09.05.2022).

108. Rostein T. Techno-optimism & Access to the legal system / T. Rostein // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman, R.L. Sandefur. – Cambridge, Massachusetts: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 93-97.

109. Sakwa R. Party and power: between representation and mobilization in contemporary Russia / R. Sakwa // East European politics. L. – 2012. – Vol. 28, Issue 3. – P. 310-327.

110. Sandefur R.L. Access to what? / R.L. Sandefur // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman, R.L. Sandefur. – Cambridge, Massachusetts: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 49-55.

111. Sandefur R.L. Roles beyond lawyers: Summary, recommendations and research of an evaluation of the New York City court navigators program and its three pilot projects / R.L. Sandefur, T. Clarke // SSRN (Social Science Research Network). – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2949038 (date of access 03.05.2022).

112. Selita F. Improving access to justice: Community-based Solutions / F. Selita // Asian Journal of Legal Education. – 2019. – № 6 (1-2). – P. 83-90.

113. Shanahan S.F. Simplified courts can't solve inequality / S.F. Shanahan, A.E. Carpenter // Access to Justice / ed. L. Caplan, L.M. Liebman, R.L. Sandefur. – Cambridge: American Academy of Arts & Sciences, 2019. – P. 128-135.

114. Shi C. The smart court – A new pathway to Justice in China? / C. Shi, T. Sourdin, B. Li // International Journal for Court Administration. – 2021. – № 12 (1). – Art. 4.

115. Suchi S.C. Problems of the Access to Justice in the UK's Legal System / S.C. Suchi. – Birmingham: University of Birmingham, 2014. – 15 p.

116. Sung H.-C. Can online courts promote access to justice? A case study of the Internet courts in China / Sung H.-C. // Computer Law & Security Review. – 2020. – № 39. – Art. 105461.

117. Voronenkov D.N. Realization of the control function of the court in the formation of the civil society / D.N. Voronenkov, A.N. Halilov // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 1. – С. 102-106.

118. Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation: decision of Permanent Court of Arbitration of Hague from 18 July 2014 / Permanent Court of Arbitration // Permanent Court of Arbitration: official site. – Hague. – URL: <https://pca-cpa.org/ru/cases/61/> (date of access 01.05.2022).

Приложение А

Классификация факторов доступности правосудия

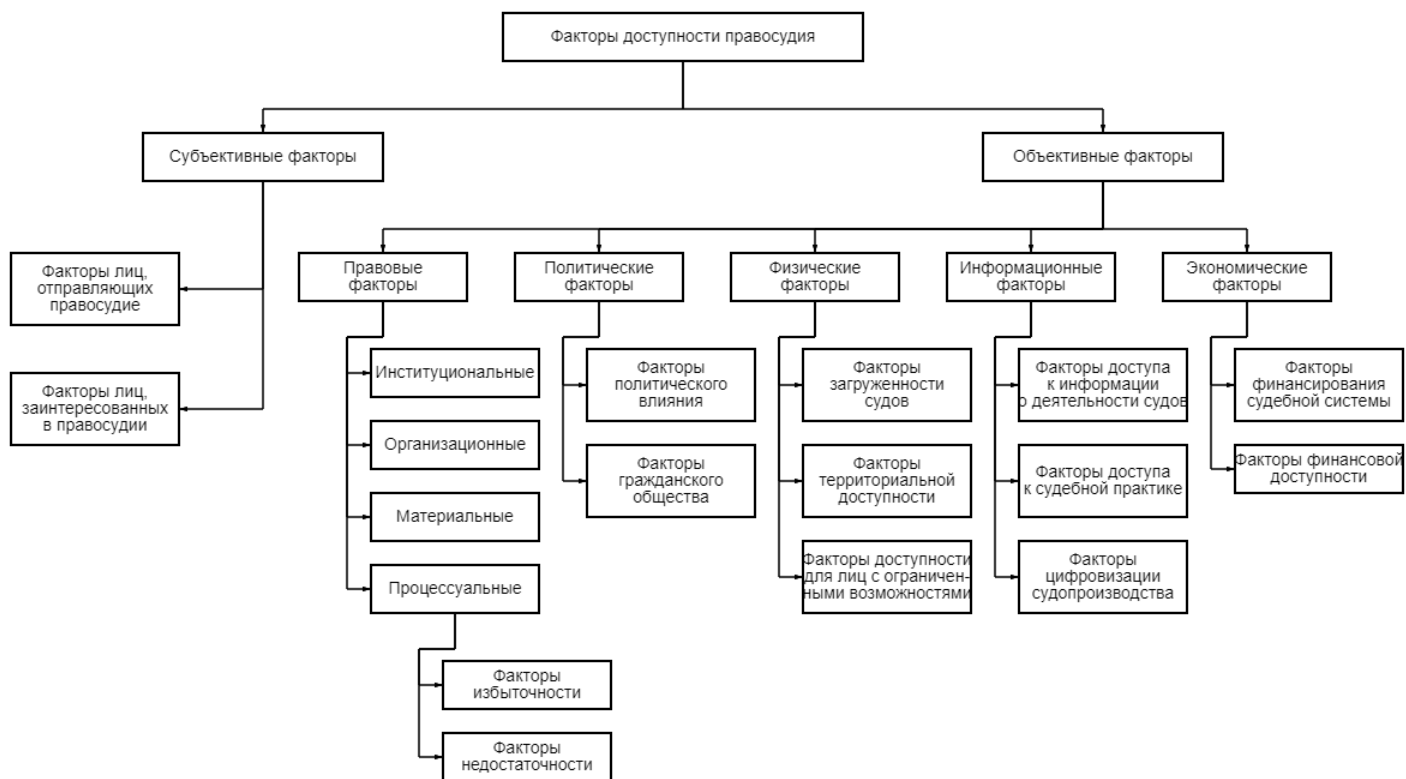

Рисунок А.1 – Классификация факторов доступности правосудия

Приложение Б

Средняя стоимость юридических услуг в Самарской области в соотношении со средним доходом граждан

Таблица Б.1 – Средняя стоимость юридических услуг в Самарской области в соотношении со средним доходом граждан по состоянию на февраль 2022 года

Услуга	Средняя стоимость (руб.)	Процент от среднего дохода граждан в Самарской области
Устная консультация	700,00 – 1 000,00	1,7% – 2,5%
Письменная консультация	2 000,00 – 4 000,00	4,9% – 9,8%
Составление документов (в том числе экспертных заключений)	3 000,00 – 7 000,00	7,3% – 17,2%
Защита по уголовным делам	28 000,00 – 46 000,00	68,6% – 112,7%
Защита по административным делам	15 000,00 – 26 000,00	36,8% – 63,7%
Представительство по гражданским делам	17 000,00 – 33 000,00	41,7% – 80,9%
Почасовая ставка	2 000,00 – 3 000,00	4,9% – 7,3%